

Анна Пейчева

ИМПЕРАТРИЦА ONLINE

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА
«ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА. LIVE»

Анна Пейчева

**Императрица online. продолжение
романа «Великая княжна. Live»**

«Издательские решения»

Пейчева А.

Императрица online. продолжение романа «Великая княжна. Live»
/ А. Пейчева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855188-8

Книга вторая из цикла «Романовы forever». Не удался медовый месяц у великой княжны Екатерины Романовой: на свадьбу отец, Николай Третий, подарил ей российский трон — и уехал искать свою пропавшую супругу на край земли. Разрывается теперь Екатерина между молодым мужем и скучными государственными делами. Как хотелось бы отделаться от постылого престола! Императрица и сама не ожидала, что её желание исполнится так быстро...

ISBN 978-5-44-855188-8

© Пейчева А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Что за свадьба без Ангела Головастикова?	6
Глава 2. «Дождёмся хорошей погоды»	14
Глава 3. «По понедельникам я всегда чувствую себя капризным»	21
Глава 4. Две хозяйки одной империи	28
Глава 5. Навстречу любви, штрафам и «Буковому безумию»	35
Глава 6. Очень, очень, очень хочется курить	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Императрица online продолжение романа «Великая княжна. Live»

Анна Пейчева

*«У современной демократии
есть только один опасный враг —
добрый монарх».*

Оскар Уайльд

© Анна Пейчева, 2019

ISBN 978-5-4485-5188-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Что за свадьба без Ангела Головастика?

– Друзья-друзья-друзья, добрый день-добрый день-добрый день! Вы смотрите телеканал «Всемогущий», и с вами снова я, ваш лучший друг Ангел Головастик! Сегодня мы с вами, друзьяшки мои милые, станем свидетелями главной свадьбы двадцать первого века. Узнаем самые сокровенные секреты жениха, заглянем, образно выражаясь, под фату невесты...

Нельзя сказать, что великая княжна ненавидела Ангела Головастика. Ненависть – слишком сильное слово.

Телеведущий, прыгающий вокруг с микрофоном, пробуждал в принцессе примерно такие же чувства, какие вызывает букашка, забравшаяся вам за шиворот – как только вы расстелили на траве клетчатый плед и собрались мирно перекусить. Отброшен в сторону надкусанный пирожок; вы невероятно раздражены; пытаетесь вытряхнуть глупую букашку из своей одежды, изгибаетесь, принимаете немыслимые позы; но всё тщетно – букашка жизнерадостно щекочет вас своими ножками и ползёт куда-то вверх по спине.

– Я, друзья, нахожусь в будуаре...

– В Малахитовой гостиной, – поправила великая княжна.

– ...в Малахитовом будуаре Зимнего дворца. Именно здесь, дорогие вы мои друзьяшечки, наследная принцесса Российской Империи готовится к своей свадьбе, до которой осталось... – Ангел вытащил из нагрудного кармана старинные часики на цепочке и показал золотой хронометр камере: – ...всего лишь пятнадцать минут.

Присутствие в комнате слоноподобного оператора романтики тоже не добавляло.

Парадоксально, но самая влиятельная девушка мира не могла выставить этих двоих из своей гостиной: контракт со «Всемогущим» обязывал. Пообещала эксклюзив – значит, придётся терпеть выходки телевизионщиков. Слово Романовых крепче карбона, как говаривал папенька-император.

Великая княжна Екатерина глубоко вздохнула.

Это её день, и никто его не испортит...

– Идентифицировано: прыщик на носу. Рекомендовано: точечное нанесение коррекционного крема «Гений чистой красоты».

...разве что разумное зеркало, сообщившее в прямом эфире всему миру о её недостатках.

Ангел начал давиться мелким смехом.

– Вот мы с вами, друзьяшечки, и раскрыли первую тайну невесты! – радостно сказал он в камеру. – Прыщик на носу! Экстремальная ситуация. Свадьба под угрозой!

– Ничего она не под угрозой, – с неудовольствием отозвалась Екатерина, принимаясь за «точечное нанесение» корректора. – Генри не из пугливых.

– Пока её высочество борется с гадким, противным прыщиком, – скорчил гримаску Ангел и провёл ухоженной рукой по своей гладкой розовой щечке, – я напому вам, милые вы мои, как познакомились жених и невеста. В одном царстве-государстве жила-была одинокая, несчастная царевна. И оставалась бы она до конца жизни одинокой и несчастной... – великая княжна, поглядывая на Ангела через зеркало, вскинула русые брови, – ...если бы не телеканал «Всемогущий», который предложил царевне принять участие в гениальном реалити-шоу. «Всемогущий» объявил конкурс на руку и сердце царевны. В прямом эфире сражались лучшие витязи со всего света; но победил в этой битве, неожиданно-негаданно, тот, кто в ней вовсе не участвовал. Царевна влюбилась в человека, который всегда оставался за кадром: простого режиссёра Генри. Ни она сама, ни мы с вами, друзья мои, тогда не подозревали, что обыкновенный работяга-телевизионщик, такая, с позволения сказать, незаметная серая мышка... – слоноподобный оператор недовольно заурчал, – ...окажется самым настоящим английским прин-

цем! Царевна наша сорвала, как говорится, банк. Сказочное везение, друзяшечки, поистине сказочное везение!

В изложении Ангела величайшая история любви двадцать первого века звучала вульгарно. В жизни всё было совсем не так просто – Екатерине до сих пор не верилось, что они с Генри сегодня поженятся. Добраться до этого этапа отношений им было не легче, чем букашке – преодолеть полный опасностей маршрут «носки-шиворот», а Ангелу – пропустить еженедельный сеанс маникюра.

Молодые люди несколько месяцев боялись признать очевидное; сразу же после объяснения – судьба, не без участия креативного директора «Всемогущего», их разлучила; лишь к середине осени парочка наконец благополучно соединилась. Разумеется, под пристальным вниманием прессы.

Папарацци объявили на них охоту: следовали за наследницей российского престола и младшим внуком английской королевы по пятам; прикидывались официантами, лишь бы только подслушать воркование влюблённых за столиком в трактире; висели на флагштоках, снимая прогулку Екатерины и Генри по Невскому проспекту.

Принцесса раздражалась, но терпела, привыкнув за время телепроекта «Великая княжна. Live» к круглосуточным камерам; а вот Генри, который двадцать лет скрывался от журналистов, а теперь вдруг оказался главным героем каждого второго новостного репортажа, было тяжело.

Так или иначе, но до дня свадьбы – а сегодня было семнадцатое января – знаменитая пара дотянула, надеясь, что после бракосочетания интерес к их личной жизни слегка упадёт. Очень воодушевляла мысль о том, что большинство сказок заканчиваются свадьбой – дальнейшие события рассказчика, как правило, не интересуют.

– До церемонии, друзья мои, всего несколько минут, и принцесса как раз успеет рассказать нам, кто сшил ей свадебный наряд, – Ангел окинул оценивающим взглядом Екатерину, поднявшуюся с пуфика, и едва заметно поморщился. – Наверяд ли это был известный модельер. У Лидваля¹ вы такого не найдёте.

К непочтительности Ангела – чья самооценка возносилась до небес, а тактичность, напротив, стремилась к нулю – Екатерина тоже за минувший год привыкла. К две тысячи семнадцатому году российские монархи стали сговорчивыми и скромными. На фамильярность не обращали внимания и до вступления на трон сами зарабатывали себе на жизнь. Великая княжна, например, без особой охоты, но выполняла обязанности оператора колл-центра Русско-Балтийского завода, а её отец, прежде чем стать императором, с превеликим удовольствием трудился на том же РБЗ инженером.

Екатерина придирчиво осмотрела себя в Зеркале и, несмотря на ехидную ухмылку Ангела, осталась удовлетворена своим внешним видом. Прыщик на носу удалось замаскировать, и это не могло не радовать, поскольку классической пышной фаты у принцессы не было – русые кудри венчала кокетливая белая шляпка с коротенькой вуалью. Вообще-то и от классического пышного платья великая княжна отказалась. Традиционным был только цвет её наряда. Сам же комплект наводил на мысли о верховой прогулке, а не о свадьбе: приталенный жокейский жакет, обтягивающие брюки, заправленные в высокие белые сапоги.

– О, у Лидваля прекрасная свадебная коллекция, – Екатерина старалась быть дипломатичной, – но мне хотелось чего-то необычного. И не такого дорогого. Вы же видели трёх-, а то

¹ Иван Петрович Лидваль (на самом-то деле он был шведом и звали его Юхан-Петер Эрссон Лидваль) в конце XIX века стал официальным портным Императорского Двора. Его мастерскую на Невском знали все франты столицы. Дело отца продолжили потомки, благодаря которым «Торговый дом «Лидваль и сыновья» превратился в настоящую мини-фабрику по производству модной одежды. Предприятие успешно функционировало до 1918-го года, когда спрос на щегольскую одежду резко упал.

и четырёхзначные цифры в его каталоге? Жалко тратить такие суммы на одноразовое платье. А тут как раз в «Ламе» заметила вот это...

Сеть двух-, а в крупных городах и трёхэтажных «Пассажей Ламановой»² (в народе попросту «Ламы») славилась доступными ценами, огромным разнообразием моделей и удачными лекалами. «Модистка, которая замучает вас примерками, но сделает божественное платье» – такую репутацию в начале прошлого века заслужила мать-основательница бренда. Надежда Ламанова стала одной из первых деловых женщин Российской Империи, создавшей не только серию божественных платьев, но и серию прибыльных пошивочных мастерских по всей стране, которые затем превратились в большие магазины одежды, обуви и аксессуаров. Ламанова, изначально работавшая с капризными дворянками, вовремя осознала, что будущее – за «белыми воротничками», и переключилась на средний класс. Шли годы, «белых воротничков» в России становилось всё больше, и соответственно увеличивалась прибыль «Пассажей Ламановой» – в которых покупатели, кстати говоря, могли найти воротнички любого цвета и фасона, а также наряды, идеально садившиеся на любую фигуру без утомительных примерок. Выкройки, тщательно продуманные дизайнерами «Ламы», охранялись наподобие государственных секретов.

Однако масс-маркет, даже отличного качества, остаётся масс-маркетом; Екатерина это понимала.

– Возможно, всё же стоило воспользоваться услугами стилиста, – пренебрежительно сказал Ангел, глядясь в разумное зеркало и поправляя серебристую бабочку, гармонировавшую с блестящим селёдочным фраком. Огонёк в правом верхнем углу зеркала возмущённо раскраснелся, распознав чужака. («Внимание! Неавторизованный пользователь!» – сообщил гаджет хозяйке). – Я бы и сам мог дать пару консультаций по поводу достойной организации свадьбы – платных, разумеется. Хотя это и не совсем мой профиль.

– Да? А какой же профиль совсем ваш? – с сарказмом уточнила великая княжна, продевая руки в рукава дутой белой куртки.

– Ну как же? Я властитель умов, король эфира, повелитель телевизионных бурь. Не так ли, друзьяшечки мои сердечные? – обратился он к камере. – Кто ваш виртуальный правитель?

– В таком случае, уважаемый эфирный король, – заявила Екатерина, ступив на свой гироскутер, – смотрите не пропустите вместе со своими сердечными друзьяшками главную телевизионную бурю года: через пару минут настоящая, а не виртуальная принцесса выйдет замуж за очень даже реального принца.

И понеслась на своей разумной доске по светлым анфиладам Зимнего – Ангел вместе с оператором едва успели втиснуться в телевизионный миникар, обвешанный дополнительными камерами и голубыми флагами «Всемогущего» (в центре полотнища – логотип канала: белое облачко с остренькой молнией).

Дворцовая площадь гудела. Словно людской океан рокотал за стенами дворца. Принцесса несмело подкатилась на своём гироскутере к парадным дверям и глянула сквозь энергосберегающие стёкла. Она знала, что Дворцовая сегодня будет переполнена – и всё же была поражена. Такого столпотворения не бывало даже в дни государственных праздников. Не то что яблоку – даже самому маленькому фрукту в мире под названием «вольфия шаровидная» негде было упасть. Свободной от народа оставалась только широкая длинная полоса, отгороженная для

² Надежда Ламанова (1861—1941) – легенда русской моды. Причём, что поразительно, как дореволюционного, так и советского времени. Платья от Ламановой носили аристократки и даже императрица Александра Фёдоровна, супруга Николая Второго. После 1917-го года дворянка Ламанова сумела закрепиться в театральном мире: шила сценические костюмы, а также повседневные и вечерние платья для известных актрис. Даже в самый трудный период, в 1925-м, когда творить было буквально не из чего, её коллекция нарядов из мешковины, штор и матрасной ткани – с пуговицами из хлебного мякиша – произвела фурор на Всемирной выставке в Париже.

церемонии от дворцовой лестницы до Александровской колонны. Казалось, эту часть площади лизнула гигантская корова.

Сзади подкрался телекар.

– Ваше высочество! Тик-так, тик-так! – Ангел вновь нашёл повод похвастаться карманными часами. – Мы в прямом эфире, нет времени для колебаний. Я бы на вашем месте поскорее искупался в народном обожании. Это так освежает!

Головастики (очевидно, готовясь к предстоящему купанию) вытащил из телекара манерную шубку из искусственного сиреневого меха и облачился в неё, поглядывая на своё отражение в стеклянных вставках дверей.

Екатерина закатила глаза – лучше кинуться в эту бурлящую толпу, чем выслушать ещё одну полную самолюбования тираду Ангела – и сделала знак казакам, ответственным за торжественный выход невесты. Двое бравых молодцов в папах медленно отворили двойные двери.

Площадь вскипела. В человеческом море начался радостный шторм. Верноподданные, заметив великую княжну на верхней ступеньке, принялись восторженно кричать и размахивать плакатами с фотографиями Екатерины и Генри, заключёнными в розовые сердечки.

Ангела, выскочившего следом за виновницей торжества на манер чёртика из табакерки, встретили едва ли не большими овациями. Народ, привыкший ужинать под эмоциональные ток-шоу Головастика, и правда его любил.

Впрочем, великая княжна тут же выбросила из головы все мысли о кривляке в сиреновой шубке, раздающим направо и налево воздушные поцелуйчики. Внизу, возле лестницы, она увидела Генри.

Принц – разумеется – был на коне. Нет, не белом – золотисто-рыжим, в цвет шевелюры жениха.

– Друзья, если хотите знать моё мнение, то этот, с позволения сказать, жених, и на жениха-то не похож, – интимно сказал в камеру Ангел, стоя за спиной Екатерины. – Вы только посмотрите, милые мои, на эту жилетку! С карманами! Катастрофа! В день свадьбы! Английский принц! Внук королевы! И в таком виде... Погодите! Погодите-ка минутку, друзьяшки! Глазам не верю – это что, джинсы?!

Да, Генри не был похож на классического брачующегося. Они с Екатериной заранее договорились обойтись без формальностей. Никаких парадных мундиров – невеста пожелала, чтобы сегодня её избранник выглядел так же, как и в день их знакомства. С лёгкой поправкой на погоду: когда великая княжна впервые встретила с молодым перспективным режиссёром, он и был одет, как режиссёр, в джинсы и футболку-поло. Теперь к этому комплекту добавился тёплый вязаный джемпер с уютным рисунком и – совершенно верно – жилетка с карманами, непременный атрибут всех телевизионщиков.

Генри держал под уздцы ещё одного скакуна – шоколадного Кирина, любимца великой княжны.

Ох, ну конечно, Екатерина знала, что по дворцовой лестнице следует спускаться медленно, торжественно и с императорским достоинством; но взглянув в улыбающиеся серые глаза Генри, слетела вниз по ступенькам со скоростью вакуумного трамвая, транспортной новинки столицы.

– Ваше высочество, – преувеличенно серьёзно склонил рыжую голову Генри.

Им было легко общаться: оба превосходно владели родной речью своего партнёра. Англичанин несколько лет прожил в России, стажирясь на знаменитой Шепсинской киностудии, а принцесса, будучи оператором международного колл-центра, свободно говорила на основных европейских языках.

– Your Highness³, – церемонно кивнула ему Екатерина и не удержалась, рассмеялась. Запрыгнула на Кирина, повернулась к жениху: – Готов?

– Всегда. А ты?

– Волнуюсь, – призналась великая княжна, поправляя шляпку и пряча зелёные глаза под вуалью. – Столько людей, да ещё Головастики этот – утомляет своей откровенностью...

– Помните, ваше высочество, здесь никого нет, – вполголоса произнёс Генри. Этой магической фразой он обычно предварял еженедельные интервью с принцессой. – Только вы и я. Не смущайтесь! – И подмигнул. Это было забавно. Екатерина сразу успокоилась и снова развеселилась.

– Что ж, друзяшки-милашки, – ворвался в их тихий диалог пронзительный тенор Ангела. Всё же здесь были не только жених и невеста, как бы им этого ни хотелось. – Сейчас мы с вами в прямом – я подчёркиваю – прямом эфире увидим, как наследница престола Российской Империи станет миссис Маунбаттен-Виндзор...

– О, ну, я не стану менять фамилию. – Екатерина, сидя верхом на коне, посмотрела на телеведущего сверху вниз. – Я Романова, и навсегда останусь ей.

– Тогда мы с друзяшками увидим, как Генри Маунтбаттен-Виндзор станет господином Романовым? – с полувопросительной интонацией поправился Ангел, обращаясь к камере.

– Снова не угадали, – вмешался жених. – Я представитель весьма консервативной королевской династии, моя фамилия – гордость моей семьи.

– Так что же получается, никто сегодня не сменит фамилию? – разочарованно переспросил ведущий и воздел руки в сиреневых рукавах к небесам. – Нет, это всё же самая – э-э-э – необычная свадьба из всех, которые я видел! Самая скромная уж точно, – сварливо добавил он.

Не дожидаясь остальных комментариев Головастика, Екатерина легонько тронула пятками лоснящиеся бока Кирина. Настороженно поводя ушами, тот шагнул вперёд. Золотой конь не отставал от приятеля. Никаких шор – скакуны были опытные, спокойные и не боялись толпы. Зато очень боялись подвести хозяев в такой торжественный день, поэтому как можно выше вскидывали тонкие коленки и как можно более грациозно изгибали длинные шеи, красуясь перед собравшимися.

Екатерина, мерно покачиваясь на родной спине Кирина, в основном любовалась счастливым лицом Генри, но краем глаза поглядывала и по сторонам.

Терракотовые⁴ стены Зимнего подсвечивались светодиодными огнями – словно страстный художник-импрессионист резкими взмахами нанёс густую белую краску между окон. Гранитная Александровская колонна, обычно спокойно-розовая, сегодня напоминала сливочное эскимо – благодаря мощным белым прожекторам, светившим намного ярче стеснительного петербургского солнца. Никаких облаков, за исключением вездесущих логотипов «Всемогущего».

В воздухе было не протолкнуться – над головами подданных образовалась пробка из квадрокоптеров, похожих на больших жужжащих шмелей. Дроны разносили чай и горячий сбитень из ближайших трактиров, сердечные капли для особо впечатлительных – из ближайших аптек; снимали фото-видео церемонии и доставляли заказчикам свеженькие, только что из трёхмерного принтера, сувенирные фигурки жениха и невесты. Залетать в воздушное пространство над выделенной полосой, по которой торжественно шагали королевские кони, дворцовый комендант запретил.

³ В переводе с английского – «Ваше высочество».

⁴ Зимний дворец несколько раз менял свой окрас. В частности, Николай Второй решил, что фасады его резиденции должны быть цвета красного песчаника – чтобы гармонировать с Александровской колонной. В терракотовый цвет тогда же заодно покрасили и штаб Гвардейского корпуса, и Главный штаб – это способствовало единству восприятия ансамбля. После революции дворец, разумеется, перекрасили – в серый цвет.

На огромных уличных экранах, развешанных тут и там – и на Арке Главного Штаба, и на самом Зимнем, и на стенах Адмиралтейства – шла прямая трансляция церемонии: великая княжна увидела саму себя крупным планом. Следующим кадром показали бескрайнюю толпу с высоты птичьего полёта (точнее, с высоты полёта телеквадрокоптера, принадлежавшего «Всемогущему») – сотни тысяч, если не миллионы, граждане запрудили не только саму Дворцовую, но, кажется, и весь исторический центр города.

Приложение в перстне-разумнике с утра спрогнозировало понижение температуры до минус пяти, но никому не было холодно – дворцовый комендант ещё накануне включил подогрев площади и прилегающих к ней магистралей. Не зря же, в конце концов, столичные власти потратили целое состояние на уличную отопительную систему и перекладывание брусчатки! Новинка уже не раз пригодилась. Петербуржцы обожали массовые мероприятия с участием членов императорской семьи. В отличие от самих членов императорской семьи. Однако не позвать верноподданных на свадьбу было бы невежливо.

Цоканье копыт по тёплой мостовой прекратилось. Кирин и его златогривый товарищ привезли хозяев к Регистрационной дуге, установленной на особом постаменте возле Александровской колонны. Рядом с Дугой на старинных ореховых стульях из дворца сидели ближайшие родственники жениха и невесты: Император Всероссийский Николай Третий – интеллигентный мужчина сорока восьми лет с усталыми глазами; его отец Константин Алексеевич, отрёкшийся от престола ради простой жизни виноградаря; Мадлен – супруга Константина и мать императора, высокая статная дама шведских королевских кровей, с удовольствием переехавшая когда-то из Зимнего дворца в скромный домик у Чёрного моря; и Артур, старший брат жениха и прямой наследник британского трона, со своей улыбчивой женой Элизабет.

Начиналась основная часть церемонии.

– Друзья-друзья-друзья, – затарахтел подбежавший сзади Ангел. Его розовощёкое личико наверняка будет выглядеть с каждой свадебной фотографии. – Сейчас свершится то самое таинство, ради которого мы все сегодня здесь и собрались. Перед нами Женительная арка...

– Регистрационная дуга, – поправила его великая княжна.

– ...пардон, Женительная дуга, которая в двадцать первом веке успешно выполняет функции священника и делопроизводителя. Матримониальный процесс, друзьяшки мои милые, стал теперь на редкость неромантичным! – болтал Ангел, пока Генри спрыгивал с золотого жеребца и протягивал руку Екатерине. Принцесса, научившаяся держать поводья раньше, чем суповую ложку, легко выпорхнула из седла. – Нет больше никаких клятв, «в горе и в радости», нет венчальных свеч и собственно венцов, нет звона колоколов...

Екатерине не хотелось именно сейчас затевать с Ангелом спор на тему того, что Россия целый век шла к тому, чтобы стать светским, а не церковным государством, и Регистрационная дуга – это вишенка на торте свободы вероисповедания; поэтому она просто сказала, повернувшись к Генри:

– Мой перстень включен и полностью заряжен.

– Мой тоже. – Генри снова ей подмигнул. – Приступим?

И нажал большую красную кнопку на дисплее, вмонтированным в одну из стоек Дуги.

Гаджет высотой в два с лишним метра напоминал по своей форме то ли тот самый изгиб на русской тройке с бубенцами, то ли древнегреческую арку. Если бы, конечно, у русской тройки или древнегреческой арки была электронная начинка и беспроводное подключение к Интернету. Впрочем, обвитый вокруг Дуги снежно-белый остролист смотрелся очень даже мило и празднично.

– Если желаете заключить брак, нажмите «один», – произнёс роботизированный женский голос откуда-то сверху, из встроенного в Дугу динамика. – Если желаете расторгнуть брак, нажмите «два». Для того, чтобы дать имя новорождённому ребёнку, нажмите «три»...

Ангел, подсматривая из-за плеча Екатерины, фыркнул прямо ей в волосы.

– Прямо как в сети трактиров «Самолепная служба», только вместо пельмешек – статусы. Эту Женительную арку...

– Регистрационную дугу, – поправила великая княжна.

– ...пардон, Женительную дугу следовало назвать «Давай сделаем это по-быстрому». Мне так сейчас не хватает запаха ладана! Свадьба называется!

Генри, не отвлекаясь на трескотню Ангела, нажал на сенсорном экране единицу, украшенную переплетёнными колечками. Дело было на мази.

– Жених и невеста одновременно прикладывают свои перстни к датчикам на экране, – проинструктировала брачующихся Дуга. – Допустимая задержка – не более пяти секунд.

– И это вместо освящённого веками вопроса «согласны ли вы взять в мужья этого человека?», – с горечью констатировал Ангел, взмахивая сиреневыми рукавами, словно какая-то грустная экзотическая птица.

Екатерина и Генри посмотрели друг другу в глаза и синхронно приложили перстни к сенсорному экрану.

Дисплей – вероятно, из-за мороза – немного подзавис, и на протяжении десятка мучительных секунд новобрачные наблюдали красную рамочку «запрос обрабатывается». Однако потом информация всё же отправилась на главный сервер Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел, извещая всех и каждого, что гражданин Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии Генри Маунтбаттен-Виндзор, 25.12.1987 года рождения, и гражданка Российской Империи Романова Екатерина Николаевна, 17.01.1991 года рождения, – отныне, и присно, и во веки веков будут считаться мужем и женой.

Великая княжна Российской Империи вышла замуж.

– Ну не знаю, я ожидал большего, – капризно протянул Ангел, наблюдая за тем, как на экранчике мигают поздравительные анимированные фейерверчики.

В этот момент бабахнуло в небе над Зимним. Начался огненный звездопад. Дворцовый комендант запустил настоящую пиротехнику.

Народ взорвался криками и аплодисментами.

Генри привлёк Екатерину к себе, откинул наверх вуаль и радостно поцеловал.

– I love you, Kate⁵.

– Я люблю тебя, Генри.

– А я люблю вас, милые зрители, друзьяшечки мои! – вклинился между новобрачными и камерой Ангел. – И не забывайте подписываться на мой блог в Интерсетке. Ох, и горяченьким же он будет на этой неделе!

Император, поднявшийся со своего места, помешал Ангелу как следует себя отрекламировать.

– Сограждане! – разнёсся голос Николая Константиновича над Дворцовой площадью. – Я первым поздравляю свою дочь с этим знаменательным днём. Она нашла любовь всей своей жизни, и это лучший из всех возможных подарков на день рождения!

– Прости, я тебя ещё не поздравил с днюшкой, – тихо сказал Генри.

– Да я и сама совершенно о ней позабыла со всей этой свадебной суматохой.

– Ты не думай, у меня есть для тебя кое-что!

– Надеюсь, это коллекция лучших эфиров Ангела Головастика? – сострила Екатерина.

– Нет, диск пока придержу, – поддержал шутку Генри. – Слишком большая ценность. Вручу тебе на юбилей свадьбы.

⁵ В переводе с английского – «Я люблю тебя, Кейт».

– Сегодня великой княжне исполняется двадцать шесть, – продолжал император. – А это значит, что настало время продолжить традицию! Мой отец, – он улыбнулся Константину Алексеевичу, тот одобритительно кивнул, – всегда говорил: страной должны управлять молодые! Только так Россия будет идти вперёд. Я сам стал государем в двадцать шесть. И сегодня, Катя, в день твоей свадьбы и твоего рождения, я тоже приготовил тебе подарок. Это вся Российская Империя.

Николай Константинович распрямил плечи и возвысил голос:

– Сограждане! Я отрекаюсь от престола. Приветствуйте новую императрицу! Да здравствует Екатерина!

Глава 2. «Дождёмся хорошей погоды»

Любить актрису – дело неблагодарное.

Она закатывает истерики. Она заливается слезами, а через секунду – смехом. Она снимается в откровенных сценах с другими мужчинами. Её никогда не бывает дома, потому что она вечно на съёмках. А когда всё же приходит домой, приносит с собой не продукты, а очередную роль, чужие слова и эмоции.

Трудно любить актрису. И ещё труднее – её потерять.

Кинозвезда Василиса Прекрасная бросила Николая Константиновича двадцать три года назад. Примерно год он пытался её забыть. Мешал ребёнок – иногда Катя очень напоминала свою мать – и тот факт, что Василиса была незабываемой.

Через год Николай Константинович решил вернуть жену. Мешал российский трон – свалившийся как снег на голову – и тот факт, что следы Василисы затерялись в одной из выжженных солнцем стран третьего мира, где она вместе с другим известным актёром «поднимала африканское кино». Агенты Третьего отделения Императорской Канцелярии, отправленные на поиски неверной супруги, вернулись ни с чем.

С тех самых пор у Николая Константиновича появилась мечта – навязчивая и мучительная, как комариный писк. Он задался целью найти Василису. Пусть даже для этого придётся обойти все страны – первого, второго, третьего, да хоть четыреста восемьдесят пятого мира. Он без конца повторял себе «сердце укажет путь», цитируя одну из романтических комедий, в которой когда-то снимался его супруга.

Поскольку Николай Константинович был в первую очередь инженером-новатором, и лишь во вторую – романтиком, он серьёзно подготовился к путешествию: создал аква-авиа-автомобиль, названный в честь летающей рыбки «Фодиатором». Машинка могла покорить три стихии, а четвёртая – огонь – бушевала в груди экс-императора.

Теперь сердце могло указывать любой путь – как по горизонтали, так и по вертикали.

Поэтому сегодня, в день своего отречения от престола, Николай Константинович чувствовал себя по-настоящему счастливым – как человек, наконец-то избавившийся от булыжника, с которым был вынужден таскаться двадцать три года.

Судя по всему, Катя была не против подхватить груз ответственности: вид у дочери был одухотворённый. Она всегда была довольно амбициозна. Зелёные глаза – такие же, как у отца – светились довольством. Хотя, с другой стороны, у какой счастливой невесты не светятся глаза в день свадьбы?

Молодожёны с ближайшими друзьями и родственниками отмечали праздник скромным фуршетом в Большом зале, выходившем окнами на замёрзшую Неву. От вертливости Головастика, к счастью, удалось избавиться ещё на площади: контракт со «Всемогущим» распространялся только на предсвадебные хлопоты и саму церемонию. Все комментарии по поводу неожиданной смены монарха были отложены на завтра.

– Ваше величество... ой... ваше... то есть... не величество, а...

Дворцовый церемониймейстер, прыгучий кругляш в красном кафтане, неловко замялся. Его можно было понять.

– Бросьте эти формальности, дорогуша, – похлопал его по мягкому плечу экс-император. – Я теперь просто Николай Константинович.

– Э-э, Николай Константинович, – с трудом выдавил из себя кругляш. – Я хотел уточнить, не пора ли объявить церемонию вручения подарков молодым? Мы уже выбиваемся из протокола.

Николай Константинович, ощущавший во всём теле необыкновенную лёгкость и игривость, словно махнул с утра полбутылки шампанского, хотя на самом деле вот уже несколько

месяцев не брал в рот ни капли, – посмотрел на весёлую Екатерину с Генри, налегавших на блины возле столика с закусками, на оживлённых гостей, фланировавших по залу с бокалами, и сказал:

– А знаете что, дорогой вы мой? Мы даём вам выходной. Объявлять ничего не нужно. Протокола сегодня не будет.

Оскорблённый в лучших чувствах церемониймейстер, бурча под нос «так не положено» и «где это видано, без протокола на царской свадьбе», удалился.

– Представляешь, Кати, сегодня утром ты проснулась великой княжной, а ляжешь спать императрицей, – подошёл к дочери Николай Константинович. и подхватил с блюда ажурный блин. Свернул добычу треугольничком, обмакнул в сметану и сунул в рот. – Не обижаешься, что заранее не предупредил? Испортил тебе свадьбу?

– Дважды «нет» – не обижаюсь и не испортил, папенька, – добродушно ответила Екатерина, повторив отцовские манипуляции с блином. – Я догадывалась, что ты можешь сделать что-то подобное. Я бы не удивилась, если бы ты на сегодняшний вечер сразу и коронацию назначил.

– Хотелось бы сразу покончить со всеми формальностями, но, полагаю, коронацию нужно перенести на другое время года. Более позитивное. Всё же это будет всенародный праздник, устроишь для всей страны выходной, люди будут рады, поедут на пикник, запустят в твою честь фейерверки... Фактически ты и так уже императрица, а сейчас не лучшее время для пикника, даже на площади с подогревом. Дождёмся хорошей погоды. Какой у нас самый радостный месяц?

– Май, конечно, – прикинула Екатерина.

– Вот и отлично, успеешь подготовиться. Думаю, семнадцатое мая – отличная дата для всеобщего ликования.

– Чем займётесь после отречения от престола, сэр?

Николай Константинович вдруг осознал, что Генри направил на него небольшую ручную камеру.

– Ты всё ещё работаешь на «Всемогущем», сынок? Я думал, это уже в прошлом.

– Вы правы, сэр, – зять выглянул из-за камеры, – «Всемогущий» держал меня в жёстких рамках. Хочу теперь снять собственный документальный фильм о новой императрице.

– Тем более, у него есть доступ к самому эксклюзивному материалу, – улыбнулась Екатерина. – Я не против. Скажи ему пару слов для фильма, папенька.

– Ты знаешь, как я отношусь к интервью, но раз ты просишь, Кати... – Николай Константинович вытер салфеткой рот и повернулся к камере: – Как говорят в русских сказках, теперь поеду туда не знаю куда. Зато точно знаю за чем: нужно срочно достать тебе тещу! Чтобы не расслаблялся.

– О, я большой поклонник творчества Василисы Прекрасной, – с почтением произнёс Генри из-за камеры. – Она стала легендой даже до своего исчезновения. На такую тещу я согласен. А что бы вы, сэр, пожелали новой императрице перед отъездом?

– Скажу то же, что пожелал мне мой отец, когда передавал мне трон – за исключением его присказок про чумичек, это я не смогу воспроизвести. – Николай Константинович искал отца глазами. Пожилой родитель, похожий на младшего, беззаботного брата Деда Мороза (белая борода, яркая рубашка навыпуск), вертелся возле столика с напитками, разливая гостям домашнее вино собственного изготовления. – Не забывай, что права человека – на первом месте, а интересы государства – лишь на втором. Император – слуга народа, а не наоборот. Делай жизнь своих граждан комфортнее с каждым днём... Твой прапрадедушка Николай Второй провозгласил Россию страной демократической монархии – не подведи его... И от себя лично прибавлю – будет здорово, если ты сумеешь воплотить в жизнь мой проект «Разумная дорога».

Николай Константинович нажал на своём перстне пару кнопок. Двухсантиметровый экранчик, заменяющий драгоценный камень, засветился. Над ним появилась голубоватая голограмма в виде уменьшенного макета шестиполосной трассы в разрезе.

– Хм, и чем эта дорога разумнее остальных? – спросила Екатерина. Генри с камерой подошёл поближе.

– Смотри. – Николай Константинович, приложив к тактильной голограмме указательный и большой пальцы, развёл их в разные стороны, словно галчонок, открывающий клювик. Подчиняясь желанию экс-императора, картинка укрупнилась. – Под двумя крайними правыми рядами проложены электрические кабели, генерирующие магнитные поля. Электромобиль будет заряжаться без всяких проводов, просто двигаясь по этой полосе!

– А-а, это как зарядка для перстня? – сразу поняла Екатерина.

– Умница! – похвалил Николай Константинович. – Ты же просто кладёшь свой перстень на ночь в особую шкатулочку, верно? Она подключена к розетке, а гаджет спокойно спит на бархатной подушечке и заряжается энергией. По такому же принципу и разумная дорога будет работать.

– Папенька, какая замечательная идея! – Дочь инженера схватывала всё на лету. – Как раз в твоём стиле, не случайно ты у нас Николай Прогрессивный. Почему же сам не воплотил?

– Для тебя берёг, Кати. Я тебе пришлю проект в электронном виде, со всеми расчётами. Считай, это тебе фора для удачного старта. Знаешь, чтобы и премьер, и Совет Министров, и Дума сразу поняли, что имеют дело с серьёзным монархом.

– Но папенька, ты уверен, что Мелисса одобрит Разумную Дорогу? Это же огромные деньги.

Николай Константинович взглянул на премьер-министра. Мелисса Майер, одетая в шёгольский брючный костюм от Лидваля, нежно щебетала со своим нынешним бойфрендом – креативным директором «Всемогущего».

– Одобрит, не сомневайся. Во-первых, она лидер «Вольнодумцев», а они с ума сходят от экологии и новых технологий; во-вторых, у неё наконец наладилась личная жизнь.

– При чём здесь личная жизнь? – с недоумением спросила Екатерина.

– Личная жизнь всегда при чём, – пожал плечами Николай Константинович. – Сложно сосредоточиться на работе, если в семье что-то не в порядке. По себе знаю. – Он посмотрел на Генри. – Как мне повезло, что ты так вовремя вышла замуж, Кати! Иначе я бы не смог отдать тебе престол. Кстати о замужестве – тут один твой бывший жених приготовил тебе подарок...

– Только не говори, что граф Вяземский здесь! – поперхнулась берёзовым соком Екатерина и страшно раскашлялась. – Видеть этого пижона не желаю.

– Что ты, Кати, – усмехнулся Николай Константинович. – Я о другом финалисте реалити-шоу. Алёша! – позвал он.

Откуда-то из-за спин гостей вынырнул двухметровый богатырь с ярко-голубыми глазами и ироничной полуусмешкой на устах. Уверенной походкой подошёл к семье Романовых и протянул Екатерине широкую ладонь.

– Поздравляю с замужеством, невеста! Обнимать не буду, и не мечтай, ты теперь семейная дама.

– А ты, я смотрю, даже на свадьбы в клетчатых рубашках ходишь? – уколола его в ответ Екатерина, смеясь и пожимая парню руку. – Мне тут обещали какой-то восхитительный подарок от тебя.

– Ну даже не знаю, – протянул Алексей, хмуря пшеничные брови. – Боюсь, ты настолько восхитишься подарком, а следовательно, и его дарителем, что муж заревнует и накинется на меня с какими-нибудь секретными приёмчиками ланкаширской борьбы. А она считается самой жестокой в мире!

– Я сдержусь, – заверил из-за камеры Генри, ухмыльнувшись. – Я англичанин, умею контролировать эмоции. И борьбой в жизни не занимался. Я по другой части. Весь в киноискусстве, ты ж понимаешь.

– Ладно, Катя, раз у тебя муж весь в искусстве, то такого подарка, как я тебе приготовил, ты от него не дождёшься. – Алексей полез в задний карман джинсов. – Вот. Представляю вам тактильные браслеты «Неразлучники»!

Он открыл плоскую картонную коробочку размером с бумажник. Внутри прятались два одинаковых аксессуара, больше всего похожие на наручные часы: прозрачные силиконовые браслеты с круглым циферблатом посередине. Правда, при ближайшем рассмотрении циферблат оказался без стрелок и даже без цифр – просто блестящий металлический диск, приятно-тяжёленький в руке. Екатерина примерила браслет на запястье.

– Симпатично, Алёша, но...

– Подожди, не торопись, – предупредил Алексей. – Николай Константинович, теперь вы. Экс-император застегнул мягкую пряжку.

– Накройте диск ладонью.

Николай Константинович положил правую руку на браслет.

– Ой! – воскликнула Екатерина. – Он вибрирует!

– Конечно, вибрирует. Я же сказал – «Неразлучники»! – Алексей был доволен. – Каждый раз, когда соскучишься по папе, сможешь передать ему тактильный привет. И наоборот.

Екатерина была растрогана.

– Алёша, неужели сам придумал?

– После изобретения разумной кормушки для животных и разумного горшка для полива домашних цветов – это был логичный шаг. – Алексей взъерошил светлые волосы. – Проникся я как-то к путешественникам в последнее время. Хочется облегчить бедолагам жизнь.

– Постой, ты же не передумал со мной ехать? – обеспокоенно уточнил Николай Константинович.

– Скажете тоже! Да я бы даже заплатить за эту сумасшедшую поездку не отказался. Денег – как грязи после продажи Волжскому заводу патентов на все эти разумные штучки. Я должен видеть исторические испытания «Фодиатора». Зря мы с вами, что ли, столько сил в него вложили! Вы бы ещё, Николай Константинович, спросили, а не хочу ли я с мамочкой в лавку за шторами пойти вместо этого эпического путешествия.

– Понял, Алёша, понял, – на радостях экс-император угостился очередным блином. – Слава шестёренке, что мне попался такой сознательный спутник. А ты про шторы просто так сказал или знаешь про Столыпина?

– Знаю, что он тоже был претендентом на руку и сердце принцессы, и довольно жалким, надо сказать; знаю, что он ваш обер-камергер и ближайший советник... Правда, теперь, после вашего отречения от престола, статус Столыпина мне неясен. «Фодиатор» двухместный, в багажник Сеню не сунешь, несмотря на его худосочность, – принялся размышлять богатырь. – Разве что тележку какую сзади прицепить. С другой стороны, в воздух «Фодиатор» с этой тележкой не поднимется, да и с морской частью путешествия будут проблемы... Но, судя по нетерпению на вашем лице, Николай Константинович, вы имели в виду что-то другое.

– Да, Алёша, я имел в виду совсем другое, ты мне и пискнуть не даёшь. Чувствую, радио в поездке нам с тобой не пригодится...

– Господа, господа! – вмешалась Екатерина. – Вы меня заинтриговали, а теперь начинаете пикироваться. У вас ещё будет для этого время, и предостаточно. Так что там с Семёном? Я его, кстати, сегодня не видела. Странно.

Николай Константинович достал сложенную вчетверо рисовую бумажку – обычная, сосновая бумага, в империи почти не использовалась. Берегли знаменитые русские леса! «Вольнодумцы» во главе с Мелиссой и правда возвели экологию в культ.

– Вот, Столыпин просил передать тебе свои извинения. Он ко мне с этим посланием утром в опочивальню ворвался, чуть не плакал.

Общий смысл записки сводился к тому, что свадьбу её высочества Семён Столыпин посетить не может, поскольку семейный долг требует его присутствия в другом месте. А именно, в магазине товаров для дома «Хохлома», где по случаю бракосочетания великой княжны объявили двадцатипятипроцентную скидку на весь текстиль. «Моя сыновняя обязанность, – писал несчастный Столыпин, – помочь мамуле занять очередь в кассу и донести покупки до дома, хотя больше всего на свете я хотел бы лично выразить Вам, Ваше Высочество, свой восторг по поводу важнейшего дня Вашей жизни».

– Вот сюрприз-то будет, – сказала Екатерина, показывая записку камере и Генри. – Вернётся, а я уже – не высочество, а величество. Он и не подозревает, насколько важным оказался этот день не только для меня, но и для него лично.

– Думаю, Кати, тебе стоит оставить Семёна в должности обер-камергера, он очень креативен, в курсе всех государственных дел, поможет тебе на первых порах. Если, конечно, мамочка не придумает для него какое-нибудь очередное неотложное занятие. Тут даже император бессилен.

– О, здесь и сэндвичи с огурцом есть! – послышалась рядом английская речь. К столику с закусками приблизились иностранные гости: старший брат жениха с супругой. Приятные молодые ребята, открытые, дружелюбные, как американцы; а вот британскую осанку и элегантность ни с чем не спутаешь. Генри отложил камеру.

– Позвольте поздравить счастливую пару, – сказал Артур, хлопая брата по плечу, а Элизабет приобняла Екатерину. – Угадайте, что мы вам приготовили.

– Поскольку мы просили дорогих подарков не дарить, – Генри задумался, – предположу, что это какой-то английский сувенир.

– Может, пастуший пирог? – спросил Алексей, который выучил язык во время учёбы в Московском государственном университете, и потому с интересом прислушивался к беседе. – А, знаю, знаю. Чашка с Юнион Джеком! Нет, погодите. Шапка гвардейца. Точно, я делаю ставку на медвежью шапку, в России она зимой очень даже пригодится.

– Я вас ещё не представил друг другу, простите, – спохватился Генри. – Алекс, Артур, Элизабет.

– Как поживаете? – вежливо поздоровался Артур, несколько ошарашенный напором здорового русского витязя.

– Буду поживать значительно лучше, если раскроете свой секрет, – не растерялся Алексей. – Посмотрим, чей подарок мощнее.

– Мы долго выбирали, что вам преподнести, – начала Элизабет, с некоторым испугом косясь на бойкого Алексея. Её выговору мог позавидовать профессор Оксфорда, хотя девушка была из простой семьи ремесленников. Но семья мужа перед венчанием настояла на том, чтобы Лиз прошла, так сказать, аристократический тюнинг: окончила курсы этикета и правильной речи. К счастью, к представительнице древнейшего рода Романовых свежее испечённые родственники не имели никаких претензий. – Всё же у Виндзоров есть традиции. Например, на свадьбу нашей королевы Елизаветы, бабушки Артура и Генри, доставили семьдесят шесть носовых платков, тридцать шарфов, сто сорок восемь, если не ошибаюсь, пар чулок и целых шестнадцать ночных сорочек.

– Да, мне бабушка Мадлен тоже сегодня вручила льняную ночнушку, расшитую своими руками, – понимающе покивала Екатерина. – Бабушки, особенно если королевских кровей, почему-то так носятся с этими сорочками! А дедуля привёз мне саженец дуба, представляете? Что теперь с ним делать, ума не приложу. Я имею в виду саженец. Хотя с дедом тоже иногда бывает нелегко. Сам вот вином забавляется, – махнула рукой в сторону столика с напитками

Екатерина, – а мне так торжественно сообщил, что дуб мне нужен как напоминание о великих свершениях Петра Первого.

– Радуйся, что тебе монументальные напольные вазы не вручили, как напоминание о великих свершениях предков, – вставил Николай Константинович, получавший от всего происходящего огромное удовольствие: словно зритель на премьере спектакля «Императрица поневоле». Разумеется, разговор шёл на английском языке. – Или, скажем, вазы ночные, полсотни штук – такое приданое раньше собирали царским дочерям. А ты прямо купаешься в интересных гаджетах и проектах. А не в ночных вазах.

– Да, папенька, вот за это спасибо, – искренне отозвалась Екатерина.

Элизабет, стараясь не смущаться, продолжила:

– У нас не гаджет, и не проект, и не чашка... – заметив движение со стороны Алексея, заторопилась: – ...и не шапка. Мы внесли от вашего имени тысячу фунтов, это около десяти тысяч рублей, на счёт благотворительной конюшни «От стресса с ветерком».

– Как здорово! – обрадовалась Екатерина.

Генри подхватил:

– Эта та самая конюшня, где лечат депрессию?

– Да, иппотерапией. Любой может прийти, без всяких денег, и без остатка снять стресс, ухаживая за лошадьми и катаясь на них верхом.

– Мы подумали, что этот подарок как раз в вашем стиле, – добавил Артур. – Мы знаем, что Кейт равнодушна к лошадям. Да и Генри, как истинный англичанин, тоже.

Судя по восторженной реакции Кати, молодёжь своим подарком попала прямо в яблочко. Или прямо в сахарок? Или морковку? Что там лошади любят?

– Я очень, очень довольна, спасибо! – Екатерина прижала к груди застеклённую рамочку, в которую был заключён корешок того самого чека на тысячу фунтов и приглашение на свадьбу для Артура и Элизабет.

– Арчи, ты, конечно, заслужил свой сэндвич с огурцом, угощаясь, – милостиво наклонил голову Генри. – Посмотрим, какая награда полагается мне за мой подарок новобрачной императрице.

Из глубокого кармана жилетки, охаянной Ангелом (тщеславного телеведущего наверняка удар бы хватил от вида императорского свадебного стола, который своим ассортиментом наводил на мысли о недорогой закусочной в аэропорту – а что делать, на государственные расходы такие личные траты не спишешь, экономить нынешним монархам приходилось на каждом шагу), молодой муж достал продолговатую золотую коробку с фирменным логотипом «Владычицы морской» – коронованной рыбкой. Компания, не имевшая никакого отношения к подводному миру, производила перстни-разумники, завоевавшие весь мир, мощные, но тонкие ноутбуки и другие устройства, прославившие Российскую империю как электронную империю номер один. Налоговые отчисления «Владычицы морской» в бюджет страны были поистине сказочными.

– Это... это... не может быть! – Екатерина вся покраснела от предвкушения. – Неужели это она?!

– Да, детка, – Генри горделиво выпрямил и без того ровную спину. – Это твоя личная палочка-выручалочка!

– Но... но откуда? Где ты её взял, Генри? Её выпустят только через несколько месяцев, презентации даже ещё не было!

– Я бы достал тебе звезду с неба, если бы знал, что она тебе нужна – и что она оборудована сенсорами последнего поколения, реагирующими на нажатие в перчатках.

Сложно было сказать, на кого Екатерина бросает более влюблённые взгляды – на нового мужа или на новое хитроумное устройство. Откровенно говоря, Николай Константинович имел весьма смутное представление о том, для чего эта палочка-выручалочка, собственно,

вообще нужна. Хоть он и был Прогрессивным, за «Владычицей морской» даже ему было не угнаться.

– О нет, Генри, звезда мне не нужна, она не умеет исполнять желания. В отличие от выручалочки. И тебя, конечно, мой любимый муж!

Наскоро поцеловав Генри, Екатерина бросилась распаковывать золотую коробочку, дрожа от нетерпения. Выручалочка оказалась проста до смешного. Действительно, тонкая золотая палочка чуть длиннее ладони. Без украшений, без кнопок, без пояснительных надписей.

– Желаю... – задумалась Екатерина, оглядываясь по сторонам. Однако вокруг ничего вдохновляющего не было: мраморные колонны, окна, два столика с едой и напитками. И много, очень много свободного пространства. Большой зал был рассчитан на роскошные балы, а не на скудные фуршеты. – Желаю танцевать!

Взмах палочкой – и из встроенных в потолок динамиков полилась последняя танцевальная композиция популярной русской певицы Беты.

– Чудеса, – подивился Николай Константинович. – Как это работает?

– Выручалка уже настроена конкретно под Кейт, сэр, – пояснил Генри. – Я попросил ребят из «Владычицы морской» подготовиться. Они объединили палочку со всеми системами Зимнего дворца и Екатерининского – её летней резиденции. В принципе, любое разумное желание Кейт – проветрить комнату, включить телевизор, заблокировать дверной замок, пустить документ на принтер – будет тут же выполнено... А все неразумные её желания выполню я сам.

– У меня в перстне есть похожее приложение, «Домовой» называется, – заметил Николай Константинович.

– Да, Николай Константинович, но здесь возможности гораздо шире, – вмешался в разговор знаток техники Алексей. – «Домовой» только окна открывает да температуру в помещении меряет, а здесь новое слово! Революция! Палочка, как я понимаю, управляет абсолютно всеми устройствами в доме, подключёнными к электричеству и оснащёнными мало-мальскими мозгами! Эх, Генри, лучше бы ты на мне женился, я об этой выручалке годами мечтал.

– Извини, Алёшенька, место занято! – Екатерина взяла мужа под руку. – Генри, ты готов к первому танцу молодожёнов?

Генри с сомнением кивнул.

– Основные па освоил.

– Я думал, английских принцев учат танцевать чуть ли не с рождения, – удивился Алексей.

– Да, но не на гироскутерах, – с ещё большим удивлением отозвался Артур, наблюдая, как его брат и его супруга кружатся по старинному паркету на самоходных досках. Нужно отдать должное Генри – он ни разу не свалился со своего гироскутера. Возможно, потому, что изо всех сил держался за Екатерину.

В дальнем углу запищала дворцовая самобранка, сообщая о выполненной программе: в столе, покрытом белоснежной скатертью, раскрылся отсек десертов и вверх выдвинулось блюдо с трёхъярусным тортом. На самом верху эксклюзивного кондитерского изделия красовался вензель «ЕР» – «Екатерина Романова». Все столпились вокруг торта, началась суматоха.

А Николай Константинович, поманив за собой Алексея, незаметно выскользнул из зала. Его ждала любовь всей его жизни. Осталось только выяснить, где.

Глава 3. «По понедельникам я всегда чувствую себя капризным»

Ангел Головастиков совсем не хотел кофе. Но ничего другого в кабинете креативного директора «Всемогущего» не подавали. Только американо – с двумя ложками сахарами и большой порцией унижения.

– Прости, приятель, ток-шоу твои надоели хуже горькой редьки, – сказал Гавриил Левинсон, откидываясь на спинку необъятного кожаного кресла и небрежно, по-ковбойски, закидывая ноги на неприлично большой стол с кожаной же вставкой посередине. Сей мебельный комплект Левинсону доставили прямым из Северной Каролины – в России производство из подобных варварских материалов затухло уже несколько лет назад. Взору Ангела явились грязноватые подошвы белых кроссовок, разработанных на Манхэттене.

Креативный директор любил всё американское. Может, потому, что американские телевизионщики, со свойственным им чутьём к выгоде, первыми скупали права на придуманные Левинсоном телешоу – едва ли не на следующий день после выхода программ в эфир «Всемогущего». Впрочем, свой образ типичного янки Гавриил разбавлял русской косовороткой, которую он носил под пиджаком вместо рубашки.

– Хуже горькой редьки? – с обидой переспросил Ангел.

– Именно, хуже самой горькой, самой гадкой на земле редьки, – подтвердил Левинсон, отхлёбывая кофе из своего картонного стаканчика. – Ты невнимателен к фактам, ты плевать хотел на правильные названия, ты даже не удосуживаешься прочитать сценарий перед началом шоу. А что ты, приятель, проделываешь с русским языком в своих эфирах – и сказать-то стыдно. Образно выражаясь, после своих стилистических выкрутасов ты, как честный человек, обязан на русском языке жениться.

– Вы, Гавриил, просто не понимаете! – воскликнул Ангел, раздосадованный до глубины души. Никто уже давно не смел разговаривать с любимцем публики в таком тоне. – Я нужен людям! Без моих эфиров они дня не проживут. Я украшаю их жалкие жизни, я дарю им свет! И что с того, что я путаю какие-то незначительные слова? Разве кому-то есть до этого дело?

– Есть, – кивнул Левинсон. – Аудитория наша не так глупа, как ты думаешь. Мне пачками присылают на тебя жалобы. Рейтинги начали падать.

– Да я же лучший друг всех этих козявок! А они ещё и жалуются на меня, оказывается. – Ангел был ужасно возмущён. – Меня нельзя убирать из их телевизоров! Я на них благотворно влияю!

– Ну, во-первых, никакой ты им не лучший друг. Это ты сам себе придумал. Во-вторых, называть зрителей козявками, по меньшей мере, непрофессионально. В-третьих, никто тебя из телевизоров не убирает. Мы просто переводим тебя на другой проект. Менее индивидуальный.

Головастиков остыл, хотя словосочетание «менее индивидуальный» ему не понравилось.

– Что за проект?

– Реалити-шоу. Конкурс. По формату немного похожий на проект «Великая княжна точка лайв», который ты вёл в прошлом году.

– Да, но тогда у меня было ещё моё ток-шоу, помимо этого конкурса!

– Погоди, ты ещё не слышал подробностей. – Тёмные глаза Левинсона заискрились, словно в его мозгу взялись за дело крошечные сварщики с электродами, сплавляя разрозненные знания, факты и новости в единое целое – в новый, доселе невиданный, обещающий громадные рейтинги проект. Креативный директор выпрямился в кресле. – Мы устроим битву сумасшедших научных разработок. Эдакую древнегреческую Олимпиаду для заучек. Ты

посмотри, с каким успехом идут шепсинские сериалы про ботаников! Какие показатели численности аудитории! Какая цитируемость в СМИ! – Левинсон аж застонал от зависти.

– Сериалы про ботаников? – Ангел сидел с кислейшим видом.

– Ну да, про ботаников.

– Это которые помидорами занимаются?

– Нет, приятель, ботаники – это которые сами как помидоры: в обществе только краснеют и молчат. В Америке таких называют нердами или гиками.

– И в чём суть этого конкурса? – спросил Ангел просто для того, чтобы поддержать разговор. Битва заучек была ему глубоко не интересна. Телеведущему не нравилось, когда в его программах возвеличивали других людей. Ладно бы ещё царских кровей. Но чтобы он, знаменитый Ангел Головастик, оказался на подпевках у каких-то, с позволения сказать, помидоров?

– Рабочее название конкурса – «Воздушный замок». Понимаешь? Ассоциация на фантазёров, которые смотрят куда-то в небеса и видят там то, чего не могут разглядеть другие. Ты со своим именем идеально впишешься.

Да, за своё яркое имя – и только за него – Ангел Головастик был благодарен своей семье. Больше благодарить её было решительно не за что. Родители-бедняки не сумели обеспечить сына материально – да ещё и поскупились на хорошие гены. Пятому, последнему ребёнку не досталось ни отцовских крепких плеч, ни материнской густой шевелюры. У него имелось лишь блистательное имя (в честь популярного в восьмидесятые, а ныне забытого киноартиста) – и страстное желание вырваться из убогого родительского дома. Подавать прошение на участие в государственной программе модернизации деревень «Разумная изба» отец-священник не хотел принципиально – последние полвека отношения церкви с российскими императорами были напряжёнными.

– Мы соберём несколько наиболее перспективных ботаников в одном доме, – возбуждённо говорил Левинсон. – Нет, в не в доме – в замке. Так более зрелищно. Сразу создадим средневековую атмосферу. А она нам ох как понадобится! Потому что это будет конкурс на лучшую реализацию мифа.

– Как это? – поморщился Ангел. Он не любил заумных слов.

– Да вот я тебе на примере одного участника покажу. – На большом экране, вмонтированном прямо в стену, появилось изображение единорога. – Студенты Императорского Томского университета утверждают, что вот-вот выведут точно такого же. Якобы они в пробирке скрестили носорога с белой лошастью и совсем скоро станут создателями единственного в мире настоящего юникорна. Если это так – конечно же, наша камера обязана заснять первый вздох этого мифологического детёныша. И родиться он должен в стенах нашего замка. Отличная реклама для «Всемогущего»!

Ангел не впечатлился.

– А остальные участники что?

Левинсон переключил ещё пару слайдов.

– Парни из «Владычицы морской» подали заявку на философский камень. Утверждают, что близки к разгадке тысячелетнего секрета. Если не врут – мы опять же будем у истоков волшебного эликсира. Со всеми вытекающими отсюда миллионами... – На очередном слайде появилась группа молодых людей с гигантскими, карикатурными усами. – А, это любопытная команда. Они называют себя «Усачи». Настоящие имена скрывают – и лица, как видишь, тоже – но, подозреваю, они все из «Емели». Слышал про «Емелю»?

– Что-то слышал, – неуверенно заёрзал на стуле Ангел.

– Что-то он слышал, – передразнил Левинсон, залпом допивая свой кофе. – Вот об этом я говорю. Работаешь на телевидении, а про «Емелю» толком ничего не знаешь. Это же крупнейший научный центр империи! Разрабатывает оружие будущего. Всякие секретные проекты.

Подчиняется непосредственно премьер-министру. Это ребята из «Емели» придумали Интернетку в восьмидесятых.

Ангел откровенно скучал и изучал своё отражение в остывшем кофе. Отражение было мрачным.

– Одним словом, Усачи разрабатывают Шапку-невидимку. И готовы делать это в нашем средневековом инкубаторе.

– А вот это я знаю! – самодовольно сказал Ангел. – Такая игра – «Шапка-невидимка» – есть в перстне.

– Да, но Усачи не в твои телефонные бирюльки играют. Что-то они объясняли про нано-антенны и преобразование света, которому эти антенны не дают рассеиваться – я толком ничего не понял, ребята довольно косноязычны, типичные заучки. Вот, и тут мы подходим к твоей роли в этом телепроекте. Ты станешь связующим звеном программы.

– Связующим звеном? – презрительно уточнил Ангел.

– Именно. – Левинсон, похоже, не обратил внимания на его тон. – Внимательно изучи все мифы и легенды по теме. Попроси участников объяснить тебе их проекты с научной точки зрения. Тебя ждёт серьёзная исследовательская работа. Ты должен понимать, что происходит вокруг, и грамотно представлять конкурсантов. Другими словами, приятель, я хочу, чтобы из стрекозы ты превратился в трудолюбивого, вдумчивого муравья. – Левинсон окинул Головастика оценивающим взглядом. – Может, очки тебе ещё наденем, не знаю. А то вид у тебя какой-то глуповатый. Надо посоветоваться со стилистами.

Ангел закрыл глаза. Он знал, он чувствовал, что сегодня произойдёт что-то плохое. Волосы с утра никак не укладывались. Несмотря на сорокаминутную возню с феном и гелем, пряди так и остались жидкими и обвислыми. И в сегодняшнем букете – одна пожилая поклонница ежедневно высылала ему корзины с цветами – вместо ста одного тюльпана он насчитал всего лишь девяносто восемь. Старая дура!

– Знаете, Гавриил, – Ангел открыл глаза и встал с кресла, – боюсь, я вынужден отказаться от этого проекта. Я, видите ли, парю в иных сферах! – Он показал куда-то вверх, в сторону чердака, где проходили трубы отопления. – Унизительная роль связующего звена не для меня. Я не опускаюсь до статуса говорящего фона для кучки ботаников. Я вам не фон. Я фанфарон!

– Может, «фараон», а не «фанфарон»? – Левинсон, прищурившись, наблюдал за Ангелом из кресла.

– Да это одно и то же, – махнул рукой Ангел.

– Но аудитория у проекта будет огромная. Я забыл тебе сказать, что призом в этом конкурсе станет весьма солидный денежный приз. Помнишь «Великую княжну»? Так вот у нас до сих пор, как неприкаянный, болтается на счету этот миллион рублей, который мы обещали Екатерине, если она выберет в мужа графа Вяземского. А раз она предпочла Вяземскому рыжего англичанина, деньги мы сэкономили. Этот сэкономленный миллион и станет премией победителю конкурса умников.

– А мне-то, мне-то что будет за проведение этого бездарного конкурса?

– Тебе? Обычная зарплата. Это твоя работа.

Ангел от злости притопнул ножкой по индейскому ковру.

– Ничего подобного! Моя работа – доставлять людям радость одним своим видом. А от этого разговора у меня наверняка морщины на лбу появятся! И красное пятно на щеку вернётся! Вы ничего не понимаете, Гавриил! Меня нельзя расстраивать!

– Я правильно понял, приятель, что ты категорически отказываешься от проекта «Воздушный замок»? – холодно уточнил Левинсон, ставя локти на стол.

– Отказываюсь, видит Бог, отказываюсь наотрез! Ищите дураков в другом месте!

– В таком случае, «Всемогущий» не продлит с тобой контракт. Который истекает – если ты забыл – завтра.

– Ах так? Ну и ради Бога! – Когда Ангел нервничал, начинал вести себя в точности как отец, через слово вызывая к высшим силам. – Меня здесь всё равно недостаточно возвеличили, Господь свидетель!

Левинсон обидно расхохотался. Ангел круто развернулся на каблуках и бросился к выходу.

– Да, и вот ещё что! Это ваш кофе горчее самой гадкой редьки, а не мои ток-шоу! – истерично выкрикнул Головастиков уже в дверях. – А ведь я редькой всё детство питался!

– Эх, приятель, – вздохнул ему вслед Левинсон. – А тебе и невдомёк, что слова «горчее» в русском языке вообще нет.

– И-и-и! – яростно завизжал Ангел. – И никакой у меня не глуповатый вид!

И со всей силы захлопнул за собой дверь.

В этот же день Головастиков ударился в салонный загул. Следующую неделю он провёл в сладком забытии. Маски, массажи, пилинги. Ангел в буквально смысле сбросил старую кожу. Весь он стал теперь свеженький и блестящий, начиная с отполированных розовых ноготков на ногах и заканчивая модно подстриженными и покрашенными волосами. Головастиков был готов к новой жизни – без «Всемогущего».

Вот только что это будет за жизнь без «Всемогущего»? – лениво размышлял Ангел, лёжа в мягком кресле косметолога. Умелые пальцы мастера втирали в лоб экс-телеведущего апельсиново-кофейный скраб (кофе Головастиков признавал только в качестве наружного омолаживающего средства; в тридцать четыре пора уже задумываться о таких вещах). Куда же податься такому красавцу? В рекламу? В модельный бизнес? В голове, затуманенной расслабляющими процедурами, мысли крутились медленно-медленно.

Деньги Ангел копить не умел, небольшую свою зарплату тратил на поддержание шикарного образа жизни, включающего в себя двух домработников и одну домработницу, а последний салонный кутёж окончательно подорвал его финансовое благополучие. Нужно было искать подходящую работу. И как можно быстрее.

Решив для начала отправиться на черноморское побережье и поучаствовать в актёрском кастинге Шепсинской киностудии, Головастиков кивнул на прощание косметологу и не спеша вышел в холл. Взгляд его тут же наткнулся на необычного посетителя возле стойки администратора. Нечасто увидишь в салоне красоты священника. Чёрная ряса контрастировала с ярко-жёлтой фантазийной мебелью производства «Хохломы» (серия «Солнечный удар») и облачно-белыми стенами.

Церковник стоял к Ангелу спиной и препирался с девушкой-администраторшей.

– Не навязывай мне услуги, в которых я не нуждаюсь, дочь моя.

– У нас как раз есть сейчас свободный мастер, который мог бы укоротить вам бороду, сударь, – профессионально-приветливым тоном предлагала администраторша.

– Не сударь, а святой отец, – сердито отвечал священник, угощаясь приветственной конфетой из стеклянной миски, гостеприимно установленной на стойке. – И борода у меня в полном порядке. Говорю же – ничего мне от вас не нужно, я человека жду.

– Также в нашем салоне проходит рекламная акция по наращиванию ресниц, сударь, – не унималась администраторша, игнорируя «святого отца». – Выразительный взор всего за полцены.

– Ещё не хватало – фальшивые ресницы наращивать! – воскликнул священник. – Не для того я сюда явился, дочь моя. Не трать на меня своё время и не соблазняй рекламными акциями. Я все ваши уловки наперед знаю. Вы торгуете красотой тела, а я – красотой души. Второе требует большего профессионализма. И тебе, дочь моя, соревноваться в искусстве продаж со мной бесполезно.

– Выразительный взор – и всего за полцены, сударь, заметьте! – поможет вам резко увеличить продажи в вашей сфере, – предположила умненькая администраторша. – Многие предприниматели, работающие с людьми, заказывают эту услугу. Мужчины в том числе.

– Я не мужчина, я святой отец, – утомлённо поправил церковник.

– Кстати о святости: даже знаменитый Ангел Головастиков нарастил у нас ресницы, а не это ли лучшая гарантия качества? О, а вот и он сам! – заметила экс-телеведущего администраторша.

– Где? Где он? – священник повернул к Ангелу оживлённое бородатое лицо. – Тебя-то я и ожидаю, сын мой! Побеседуем?

Ангел, растерявшись, кивнул и позволил увлечь себя к фантазийным креслам. Головастиков не верил своим глазам: в священнике он узнал самого патриарха.

Доброжир был избран главой Русской православной церкви около года назад и стал самым молодым патриархом в истории, чуть старше самого Ангела. Отчаянный шаг со стороны церковников – так ведь и времена для них настали отчаянные. Православный пыл жителей империи начал угасать ещё в годы правления Алексея Николаевича, объявившего себя буддистом после поездки в Китай. К двадцать первому веку популярность РПЦ в народе опустилась до немыслимого минимума – приходы стояли пустыми. На капищах Перуна собиралось и то больше людей. От былых богатств у церкви остался только усеянный бриллиантами патриарший крест, который и вручили энергичному Доброжиру со словами «спаси и сохрани православие на Руси».

Пока что дела у Доброжира шли не очень. За весь год он даже ни разу не сумел попасть на личный приём к императору. На «Всемогущий» его тоже не пускали. Патриарх на последние деньги организовал собственный телеканал для общения с верующими. Но рейтинги «Елея» восторгов не вызывали.

– Сын мой, – начал патриарх, поглаживая чёрную, почти без седины бороду (которую действительно не мешало бы привести в порядок, подумал Ангел). – Сын мой, беседу нашу я хочу начать с важного вопроса. Правду ли прокрякала сегодня «Жёлтенькая утка»?

Ангел тяжело вздохнул. «Жёлтенькая утка» была еженедельным изданием «Всемогущего» и раскрывала именно те секреты звёзд шоу-бизнеса, которые звёзды шоу-бизнеса больше всего хотели бы утаить. Аудитория «Желтушки», как ласково называли её сами сотрудники, была в сотни раз больше аудитории унылого «Елея». В последнем выпуске целый разворот издания посвятили позорному увольнению Ангела.

– Правду, ваше святейшество, – признал Головастиков, опустив голову.

– Ты поссорился с Левинсоном, сын мой? – доброжелательно поинтересовался патриарх, пытаясь поудобнее устроиться в кресле, предназначенном для любования, а не комфорта.

– Ох, да, ваше святейшество, – снова вздохнул Ангел. – Сам не знаю, что на меня нашло. По понедельникам я такой капризный! Теперь вот жалею, что поссорился. Звоню ему, он трубку не берёт.

– И хорошо, что не берёт, – неожиданно сказал Доброжир. – Потому как этот Левинсон не осознаёт твоего величия, сын мой. Не достоин он тебя. Не стоит с ним больше связываться.

– Что? – поднял голову Ангел.

– Ты же даришь людям свет, Ангел! – воскликнул патриарх на весь холл. Посетители салона начали оборачиваться на странную парочку. Патриарх вместе с креслом подвинулся поближе к собеседнику. Ряса слегка задралась, под ней обнаружились потрёпанные серые брюки и серые летние сандалии. В феврале месяце! Под сандалиями виднелись толстые шерстяные носки. – Ты же даришь людям свет, – повторил он потише.

Ангел взволнованно слушал. Он больше не смотрел в пол. Нет, плечи экс-телеведущего расправились. Он впитывал речь патриарха – слово за словом. Отец-священник категорически не одобрял легкомысленную профессию сына, и потому похвала Доброжира казалась особенно

приятной. Эффект усиливался из-за того, что Доброжир очень походил на папу Ангела в молодости – те же натренированные плечи, глубокий голос, кудлатая борода. Ну и ряса, конечно же.

– Люди нуждаются в тебе, – почти шептал Доброжир, наклонившись к Головастикову. – Люди любят тебя.

– Да, да, ваше святейшество! – горячо соглашался Ангел. – Я их лучший друг, видит Бог!

– Ты просто обязан быть в эфире, сын мой. Это твой долг перед обществом! Ты будешь в эфире, и никакой Левинсон не сможет этому помешать!

– Но как, ваше святейшество?

Доброжир поправил на груди бриллиантовый крест.

– У меня есть для тебя предложение, сын мой.

К этому моменту Ангел был готов на всё.

– У меня есть для тебя работа.

Свою первую работу на телевидении Головастиков получил четырнадцать лет назад. На Чапыгина шесть он пришёл в качестве участника убогого песенного конкурса. Голоса у него не было, зато самомнения – с избытком. А посему, не выйдя во второй тур, Ангел устроил такой скандал, так наорал на жюри в целом и конферансье конкурса в частности, что его заметил креативный директор «Всемогущего» и пригласил на самый престижный канал империи, уже в качестве ведущего. Гавриил Левинсон любил неординарность в людях – даже если это было неординарное хамство.

– Не кажется ли тебе, сын мой, – продолжал Доброжир, – что жизнь в нашей стране стала слишком пресной и незрелищной? Особенно после твоего ухода с телевидения?

– Кажется, ваше святейшество, ещё как кажется!

– А не кажется ли тебе, сын мой, что у людей отняли сказку? Государи нынче ничем не отличаются от инженеров и других скучных офисных работников. Никаких тебе традиций, никакой роскоши, никакой помпезности.

– Истинно так, клянусь всеми святыми! – Ангел кивал, как китайский болванчик. – Я был в шоке от императорской свадьбы! Даже колокольного перезвона не было. А где, простите, белое платье?!

– Вот, вот об этом я и говорю! – Патриарх вместе с жёлтым креслом подполз ещё ближе. – Впереди коронация императрицы, а меня даже не позвали. Значит, и коронацию Романовы проведут не по-божески.

– Нам остаётся только смириться, – полувопросительно отозвался Ангел, пока не понимая, к чему ведёт Доброжир.

– Отнюдь, сын мой, отнюдь! Мы – ты и я – покажем всей стране, как нужно проводить церемонии высшего уровня!

– А? – открыл рот Головастиков.

– Наш телеканал «Елей» запустит новую программу «Венчание на царство». На глазах у всей страны возродим православные традиции! Ты будешь не просто ведущим программы, а главным её героем. Мы разыграем всю церемонию коронации шаг за шагом. Чтобы народ вспомнил, какой это красивый обычай – восхождение на российский трон! Вернём людям сказку.

– То есть... погодите, ваше святейшество... Меня коронуют? В эфире?

– А кого же ещё? Ведь ты и так медийный император Всея Руси!

Ангела захлестнули разные чувства. В принципе, он неплохо относился к Романовым. Не хотелось обижать их своей показательной коронацией. С другой стороны, уж слишком они были скромными. Чересчур неприятными. Растеряли весь имперский авторитет! Монархия в России стала в наше время какой-то игрушечной. Следовало указать им путь к истинной славе. А кто, как не Ангел Головастиков, мог это сделать? Телеведущий быстро убедил себя, что должен согласиться на предложение патриарха.

– В конце концов, ведь это же будет не всамделишная коронация! – вслух подвёл он итог своим размышлениям. – А значит, ничего предосудительного в ней нет. Просто телепроект. Игра такая.

Доброжир снова поправил бриллиантовый крест.

– Конечно, сын мой. Игра. Всё понарошку.

– Тогда я согласен, – и Ангел невольно бросил взгляд на своё отражение в оконном стекле, представляя, как будет смотреться на его свежестриженной голове корона Российской Империи. Точнее, дубликат короны.

– Большую зарплату, сын мой, предложить не можем. Видишь, денег нет даже на зимние ботинки, – Доброжир покрутил в воздухе сандалией. Чело Ангела в отражении слегка омрачилось. Похоже, как минимум от одного домработника придётся отказаться. – Но величие гарантируем. Сможешь приступить через неделю?

Ангел самоуверенно одёрнул лиловые манжеты своей узкой рубашки.

– Да хоть завтра.

– Благослови тебя Бог, сын мой! – Доброжир поднялся. – Начинается новая эпоха в истории Русской православной церкви! Сколько зрителей, а значит, и прихожан у нас прибавится! А теперь, с твоего позволения, я, пожалуй, пойду и наращу себе ресницы в преддверии такого важного события. В кредит, разумеется.

Глава 4. Две хозяйки одной империи

– Мороженое со вкусом гречневой каши... Мороженое со вкусом шей?.. Мороженое со вкусом жареного лебедя?! Да ты что, Семён? Какие ещё жареные лебеди?

Новоиспечённая императрица с возмущением уставилась на юного обер-камергера. Тот немедленно принялся краснеть, потеть и издавать нечленораздельные звуки, что-то вроде «ме» или «бе». Сходство Столыпина с барашком усиливалось также за счёт копны светленьких кудряшек на голове и испуганного взгляда наивных голубых глаз.

Семёну было двадцать четыре года, три из которых он провёл на должности личного помощника императора. Последний год у обер-камергера выдался тяжёлым: сначала – позорный провал в соревновании за руку и сердце Екатерины (парень разрыдался на глазах у десятков миллионов зрителей телепроекта «Великая княжна. Live»), а теперь ещё и любимый босс ушёл в отставку.

Что и говорить, ситуация сложилась крайне неловкая: бывший жених был вынужден работать с отвергнувшей его невестой; да ещё и на глазах её нынешнего мужа. Генри, вооружённый маленькой камерой, бродил по библиотеке Зимнего дворца, в которой проходило совещание императрицы с обер-камергером, и снимал материал для своего документального фильма.

По-деловому из всех собравшихся выглядел только Столыпин: тёмный костюм, галстук преданного монархически-красного цвета, украшенный золотыми скипетрами и державами. Генри был в своей вечной серой футболке-поло, Екатерина тоже оделась в повседневном стиле: белая майка, тёмно-зелёная толстовка на молнии, спортивная обувь и джинсы. Пресса неоднократно критиковала наследницу российского престола за её любовь к американским штанам с заклёпками, но отказаться от этой удобной одежды она просто не могла.

Первым пунктом в плотном графике государыни значилась подготовка к коронации. Несколько крупных производителей просили высочайшего одобрения на специальные серии товаров, приуроченных к этому торжественному событию. Семён подготовил презентацию на большом экране в библиотеке, однако новая начальница срезала вдохновенное выступление на первом же слайде.

Екатерина сжалилась над блеющим помощником и продолжила более мягким тоном:

– Семён, ну правда. Что это за дикие варианты десертов?

– Дело в том, ваш'величество, – Столыпин нервно подёргал свой магнитный пропуск, перекрученный вокруг галстука, – что жареный лебедь – это традиционный царский рецепт. Ключевой элемент любого великосветского застолья на Руси. Ни одна коронация без жареного лебедя, а то и павлина, раньше не обходилась. Ну вот кондитерская фирма «Абрикосов и сыновья» и решила возродить этот обычай – в такой забавной версии. Ребята планируют выпустить серию пломбиров со вкусами классических пиршественных блюд. Сейчас модно сочетание сладкого и солёного. Я их, ваш'величество, и так отговорил от жареных павлинов – знал, что вам точно не понравится. Надеюсь, может, на лебедей согласитесь, весьма перспективная идея.

– Фу, варварство какое, – сморщила точёный греческий носик Екатерина. – Лучше бы сделали абрикосовое мороженое, раз уж они сами Абрикосовы.

– Абрикосовое у них и так нарасхват идёт, – согласился Столыпин. – Но в спину им дышит фабрика Конради со своими шоколадными десертами. И ребята хотят как-то выделиться, нужен рывок.

– Передай своим ребятам, что верхом на несчастном лебеде никуда они не рванут. Не хочу начинать свою карьеру с поджаривания символа чистоты и благородства.

– Но это всего лишь вкус, химическая добавка, никто настоящих лебедей трогать не будет...

– Сказала «нет» – значит, вопрос закрыт, – жёстко прекратила столыпинский бубнёж императрица. – Пусть вешают моё лицо на мороженое со щами или кашей, если им так хочется – разумеется, за оговоренную часть доходов с продаж...

– Десять процентов.

– ...хорошо, десять так десять. Но никаких лебедей! Давай следующий слайд.

Столыпин, часто моргая белёсыми ресницами, нажал кнопку на перстне-разумнике. На экран вывелось изображение двуспальной кровати, покрытой одеялом с гигантской фотографией Екатерины на нём.

– Комплект белья «В постели с императрицей»? – не поверила своим глазам глава государства. – Ты серьёзно, Сеня?

– Мэ-э-э...

– Генри, как тебе? – оглянулась Екатерина на своего молодого мужа.

– Оригинально. – Генри с весёлым видом выглянул из-за камеры.

– Ревнуешь? – кокетливо спросила новобрачная.

– О, нисколько, дорогая. Пусть называют своё бельё как хотят, но мы-то знаем, кто на самом деле окажется сегодня вечером с тобой в опочивальне.

Генри подмигнул супруге. Семён закашлялся. Англичанин, похоже, вспомнил о присутствии в библиотеке постороннего лица, слегка смутился и спрятался обратно за камеру.

Екатерина встала из-за антикварного рабочего стола, обошла его кругом и присела на самый краешек столешницы, оказавшись рядом с дрожащим Столыпиным.

– Семён, что с тобой сегодня такое? Предлагаешь какую-то ахинею. То мороженое с ужасным вкусом, то безвкусное постельное бельё.

– Ваш'величество, – Столыпин был, кажется, на грани очередной истерики, – просто совсем скоро правительство будет рассматривать бюджет, в котором расходы на монархию урежут до исторического минимума. Вы даже не сможете отметить собственную коронацию! У вас просто не будет денег на закуску для гостей! Я не беспокоюсь о своей зарплате, я беспокоюсь за вас! А производители постельного белья – знаю, ваш'величество, знаю, что оно омерзительно – дают целых двадцать процентов со всех продаж.

Екатерина помотала головой.

– Пожалуй, я пока не готова к такой степени близости со своими подданными – даже и за сто процентов. Поехали дальше.

Столыпин запустил следующий слайд.

– Набор стаканов для берёзового сока с вашей фотографией – все знают, что это ваш любимый напиток...

– Ну вот, другое дело! – обрадовалась императрица. – Утверждаю!

Семён с облегчением вытер лоб тыльной стороной ладони и перешёл к следующему презенту.

– «Хохлома» планирует выпустить на рынок кресло с говорящим названием «Трон Екатерины». Говорят, это личная придумка основателя компании, вашего двоюродного дедушки.

– Дмитрия Дмитриевича? – удивилась Екатерина. – Ему же лет девяносто! Он ещё принимает участие в делах компании?

– После того, как с таким трудом поставил её на ноги – конечно. Мне рассказывали, что старичок до сих пор ежедневно приходит на работу. – Столыпин заметно оживился. – Примет с утра стаканчик медовухи – и вперёд, на совещание дизайнеров или маркетологов. Выдаёт одну блестящую идею за другой.

– И какая медовая фантазия пришла ему в голову на этот раз? – Екатерина подошла поближе к экрану. – Красная бархатная обивка, золотые подлокотники... А это что за прелесть? Неужели подставочка для ног? Знаешь, Семён, мне нравится. Давай одобрим.

– Уверены, ваш'величество? – уточнил Семён. – Вы же понимаете, что журналисты всегда особенно придирчиво оценивают продукцию «Хохломы» именно из-за родства Дмитрия Дмитриевича с царской семьёй.

– Понимаю, – вздохнула Екатерина. – Семейственность в нашей стране строго осуждается. Поэтому двоюродному дедуле так несладко пришлось в начале его предпринимательского пути. Все к нему относились предвзято. Тут, пожалуй, не только к медовухе пристрастишься. Но потом-то окружающие осознали, что перед ними не просто родственник монарха, а истинный талант! Вы посмотрите на этот узор на спинке кресла! Хочется рассматривать его бесконечно. – Екатерина решительно скрестила руки на груди. – За двоюродного дедулю мне не стыдно. Утверждаю «Трон Екатерины». Журналистам он не может не понравиться.

Семён сделал пометку в своём перстне и переключил слайд.

– Готов поспорить, ваш'величество, – сказал он интригующим тоном, – что за *это* вы простите мне все мои грехи. Представляю новинку от «Владычицы морской»! Перстень-разумник «По царскому велению»! Лимитированная серия, количество экземпляров ограничено.

– О-о-о, – протянула Екатерина, расширив глаза. – Ух ты!

Генри с камерой подошёл поближе – ещё бы, императрицу просто затрясло от приятного волнения. Столыпин, явно довольный произведённым эффектом, затараторил:

– В фотогалерее перстня будет предустановлен альбом с вашими фотографиями, в том числе редкими, из семейного архива; в видеокolleкции загружены фильмы вашей маменьки Василисы Прекрасной; в контактах – телефоны официальных поставщиков императорского двора. Также только в этом перстне будет эксклюзивная игра «Насколько хорошо ты знаешь биографию Екатерины Третьей» и приложение, позволяющее общаться с другими владельцами разумников именно этой серии. То есть эдакий виртуальный клуб для преданных монархистов.

– Как интересно! – восхищённо выдохнула Екатерина. – А можно мне такой перстень?

– Я договорился, – горделиво сообщил Семён, – вам сделают двенадцатипроцентную скидку при покупке в главном офисе.

– Скидку? – Екатерина была разочарована. – Я надеялась, подарят. Что им, жалко одну штучку?

– Ваш'величество, – растерялся Столыпин. – Это же «Владычица морская». Они и самому Господу Богу и всем архангелам его, даже если те пожалуют в офис «Владычицы» всей компанией, ничего просто так не подарят. Двенадцатипроцентная скидка – это невероятная щедрость с их стороны! Да и потом, мы с Николаем Константиновичем договаривались не принимать никаких даров...

Екатерина задумалась.

– Ты прав, Сеня. И папенька тоже был прав. Лучше за деньги купить. – Она посмотрела на Генри. – Разоримся ещё и на перстень, а? Я понимаю, что палочка-выручалочка уже обошлась в кругленькую сумму, но очень хочется!

– Конечно, дорогая, – обречённо согласился Генри. – Я же так люблю тебя – несмотря на то, что ты императрица.

– Простите, что вмешиваюсь в обсуждение семейного бюджета, – вставил реплику Столыпин, – но я рад сообщить, что «Владычица» выделит нам целых два процента с продаж перстней этой серии.

– Отлично, Семён, просто отлично! – обычно сдержанная Екатерина даже подпрыгнула от радости. – Думаю, эти два процента перекроют доходы от продажи всей остальной коронационной продукции, вместе взятой.

– Учитывая популярность «Владычицы морской» – наверняка.

Императрица была так довольна, что захотела сделать что-нибудь приятное и для своего помощника.

– Что ж, Сеня, ты просто изумительно провёл переговоры с титанами отечественного бизнеса – про постельное бельё и лебединое мороженое вспоминать не будем – так что скажи, чем я могу тебя поощрить? К сожалению, с деньгами у нас пока напряжёнка...

– Ваш’величество! – Столыпин оставил в покое пропуск с галстуком, за которые держался, как за спасательный круг, и вытащил из нагрудного кармана пиджака золотой ключ, обсыпанный драгоценными камнями наподобие кренделя с маком. – Умоляю, отмените вы эту железяку!

Екатерина поразилась:

– Постой, это что, символический ключ от опочивальни монарха, я не ошибаюсь? Неужели ты до сих пор его с собой таскаешь?

– Увы, ваш’величество! Я обер-камергер, а это официальный символ обер-камергерской власти с незапамятных времён. Обязан всегда носить его у сердца. – Столыпин с отвращением потряс ключом в воздухе. – Он мне уже мозоль на груди натёр!

– Разве папенька после сокращения штата сотрудников Зимнего не отменил этот пережиток прошлого?

– Так и не успел, ваш’величество. Мы с Николаем Константиновичем завозились с этим конкурсом на вашу руку и сердце, – Семён потупил взор и покрылся красными пятнами, – вот и забыли про эту железяку совершенно.

– Да, Кейт, как-то нехорошо получается, что твой бывший жених разгуливает с ключом от нашей опочивальни, – неожиданно вступил в разговор Генри, опустив камеру.

– Нет-нет, ваш’высочество, во всём дворце давно уже магнитные замки стоят, – поспешил заверить принца Столыпин. – Ключ ни к одной двери не подходит. Да я, откровенно говоря, даже не уверен, что он когда бы то ни было использовался по назначению. Вы посмотрите на его размер! Чуть ли не с поварёшку величиной. Это что за замок должен быть! Амбарный, а то и от целого города!

– Так, – решительно поставила точку императрица. – Избавимся от этой древности раз и навсегда, прямо сейчас. Сдадим твой ключ от прошлого в Эрмитаж. Пиши, Семён, мой первый указ – об отмене устаревшей традиции.

Не успела императрица припечатать электронный документ своим перстнем, как из темноты (электричество во дворце сэкономили) в дверь библиотеки ворвалась Мелисса Майер – в асимметричном платье беспокойного оранжевого цвета. Глава правительства спрыгнула с фиолетового гироскутера, властно отодвинула рукой щуплого Столыпина и устремилась к Екатерине:

– Ваше величество, так что вы думаете по поводу второго солнца? А, Генри, и ты здесь. И опять со своей камерой... Катарина, ответ нужен срочно! Меня в кабинете семнадцать человек ждут из Императорской Космической Коллегии и Военный Министр Сухомлинов.

– Что? Какое солнце? – не поняла императрица.

– Второе! Второе солнце. Боже, Катарина, – с досадой сказала премьер-министр, заправляя за уши короткие чёрные волосы, – вы что, не посмотрели документы, которые я вам отправила?

Мелисса кивнула в сторону красного принтера, дремавшего на антикварном столе. Екатерина только сейчас заметила рядом с ним целую стопку распечаток на рисовой бумаге. Вот так сюрприз. Оказывается, сотни проблем требовали немедленного высочайшего внимания!

– Ой, простите, ваш’величество, – тихонько вякнул Столыпин. – Вообще-то я должен был вам раньше сказать. Принтер включается в одиннадцать часов ежедневно, кроме субботы и воскресенья.

– Ну, знаешь ли, Семён! – с укором взглянула на него Екатерина, обречённо снимая толстовку (работа, судя по кипе посланий, предстояла нешуточная) и усаживаясь обратно за стол. А она-то, наивная, собиралась перед обедом прогуляться по городу верхом на Кирине! Какие

уж тут гуляния. Невидимые цепи приковали её к старому столу, выкачавшему жизненные силы не из одного российского монарха.

– Вот так безобразие у вас творится, ваше величество, – неодобрительно покачала головой Мелисса, хотя её мнения никто не спрашивал. – Я бы на вашем месте лишила господина Столыпина квартальной премии.

– Я в состоянии сама разобраться со своим аппаратом, Мелисса Карловна, – холодно отрезала Екатерина. – Вы мне лучше скажите, где в этом бумажном хаосе ваш солнечный проект?

Мелисса принялась рыться в рисовых листах.

– Не то, не то, не то... А, вот оно. Если коротко, Катарина, «Второе солнце» – это новый космический проект Российской империи. По важности – где-то посередине между пилотируемым полётом на Марс и туристическими экскурсиями на Луну. – Мелисса говорила быстро и сердито. Она стояла рядом с Екатериной и постукивала носком бело-оранжевой туфли по паркету. Это порядком раздражало. – Запускаем на орбиту гигантское зеркало, которое будет отражать солнечный свет. Ну, согласны? Подписывайте!

– Пойдите, пойдите, дайте разобраться. – Екатерина не собиралась идти на поводу у главы правительства. Она старалась добросовестно относиться к своим обязанностям. – Какого размера будет это зеркало?

– Один квадратный километр. По площади – примерно как пятьдесят пирамид Хеопса.

Тук-тук-тук. Екатерина начала медленно закипать от этой импровизированной чечётки.

– Катарина, вам совершенно незачем вдаваться в эти скучные цифры. Припечатайте, и я побегу.

– Не так быстро, Мелисса Карловна. Я не понимаю, как вообще возможно поднять километровое зеркало на такую немыслимую высоту? Оно же громоздкое. Может, начать с чего-нибудь менее тяжёлого? Скажем, на пирамиде Хеопса потренироваться?

– Ваше величество, если бы вы прочитали документы, которые я вам отправила ещё в восемь часов утра, – язвительно ответила премьер-министр, – вы бы знали, что это зеркало сделано из тончайшей фольги. Ну не совсем фольги – при подготовке экспедиции на Марс столько новых материалов придумано! Одним словом, эта условная фольга свёрнута в ма-а-аленький комочек. Этот комочек долетит до орбиты, а там автоматически расправится в большо-о-ой парус. Парус отразит солнечный свет на Землю.

Мелисса разговаривала с императрицей как с ма-а-аленьким ребёнком. И Екатерина была уже на грани большо-о-ого космического взрыва.

– Что, всю Землю ваш парус осветит? – уточнила императрица, пытаясь держать себя в руках.

– Конечно, нет! – закатила глаза Мелисса. – Фольга не настолько большая. Эксперимент решили начать с Петербурга.

– Но у нас же и так во дворах-колодцах работает система отражающих свет зеркал. Народ вроде доволен, нет тёмных углов. Зачем ещё дорогостоящее второе солнце?

Мелиссы нетерпеливо притопнула ногой.

– Во-первых, Катарина, не настолько оно и дорогостоящее. Большинство затрат возьмёт на себя бизнес. Инвестиции окупятся моментально! Аграрные предприятия получают небывалый урожай, производители солнечных батарей – скачок заказов, отели – приток туристов. А во-вторых, – премьер-министр вновь заправила волосы за уши, открыв взорам окружающих серьги смелого дизайнера, – вы хоть представляете, как нам обзавидуются Лос-Анджелес⁶? Петербург, дождливый, мокрый, пасмурный Петербург отныне станет городом вечного солнца! Здесь теперь будут жить ангелы, а не в Южной Калифорнии.

⁶ Название Los Angeles переводится с испанского как «Город ангелов».

Мелисса терпеть не могла новую президентшу Америки, и Екатерина это знала. У самой Екатерины тоже были кой-какие счёты с Соединёнными Штатами, но затевать сомнительное, претенциозное мероприятие только ради удовлетворения собственных амбиций не хотелось.

– Мелисса Карловна, простите, но прямо сейчас, вот так с кондачка, я не могу одобрить этот проект, – твёрдо сказала императрица. – Нужно изучить документы; провести опрос общественного мнения, в конце концов. Петербуржцы, конечно, привыкли к белым ночам, но вдруг им не понравится этот круглогодичный небесный фонарь?

– Но у меня полный кабинет чиновников, Катарина! Мы должны сегодня же, сейчас же приступить к разработке деталей проекта! – Тёмные глаза премьер-министра гневно сверкали.

– Ничем не могу помочь, – любезно отозвалась Екатерина. – Сперва хочу разобраться в вопросе. Не желаю быть марионеточным монархом.

Мелисса сжала губы в тонкую ярко-красную полоску, потом разлепила их и процедила:

– Позвольте напомнить, ваше величество, что из-за своеволия фараона Хеопса рухнула Четвёртая династия Древнего царства Египта.

Екатерина изумлённо вскинула брови, поражаясь нахальству премьер-министра. Мелисса перешла все грани. Это было слишком даже для неё.

Императрица подавила внутреннюю вспышку ярости – Романовы всегда превосходно владели собой – и спокойно спросила:

– Мелисса Карловна, я вижу, дело не только во втором солнце. Что происходит? Вы всегда очень энергичны, но сегодня буквально олицетворяете собой стресс.

Глава правительства посмотрела на Генри. Тот моментально всё понял и выключил камеру. Мелисса наклонилась к Екатерине и прошептала, выдыхая хвойную свежесть (судя по запаху – молодые еловые веточки, продававшиеся в пассаже Второва в вакуумной упаковке и заменявшие гражданам империи американский чуинг-гам):

– Курить хочется до чёртиков.

– Вы курите? – удивилась Екатерина.

– Уже нет. Последние два дня. Пытаюсь бросить. Вы представьте, какой скандал будет, если до прессы дойдёт, что лидер самой экологичной партии в мире курит.

– Конечно. Тяжело без сигарет? – Екатерина, преисполнившись сочувствием, простила Мелиссе её нападки. Трудно бороться с тем, что сильнее тебя. Премьер-министр отчаянно мечтала о табаке, императрица – о вольном ветре, бьющем в лицо беззаботному всаднику.

– Видите, руки трясутся? – Мелисса вытянула ухоженные пальчики, которые и правда мелко дрожали. – Вообще себя не контролирую.

После того, как взбудораженная, нервная глава правительства улетела на своём гироскутере объясняться с коллегами, а Столыпин выбежал в коридор поговорить по перстню-разумнику со своей мамочкой, Екатерина встала из-за стола и повернулась к мужу:

– Генри?

– Да, Кейт? – Он складывал камеру в сумку.

– Знаешь, о чём я думаю?

Генри выпрямился и подмигнул новобрачной.

– Полагаю, о том же, о чём и я. – Он подошёл поближе и крепко обхватил её за талию. За последние дни молодой муж ясно дал ей понять: англичане только кажутся сдержанными; под внешней замороженностью кроется горячая лава страстей. Одним движением Генри усадил Екатерину на антикварный стол. Серые глаза оказались совсем близко. – Надеюсь, мы не оскорбим память твоих предков, решавших здесь проблемы мирового масштаба?

– О! – покраснела Екатерина, обнимая супруга и пропуская между пальцами короткие, жёсткие рыжие пряди. – Дорогой, я же на работе. И Семён сейчас вернётся... Нет, вообще-то я думала не об этом, хотя теперь буду думать об этом постоянно, спасибо тебе большое, весь день под откос... Я думала о коммунальных квартирах.

Генри, похоже, растерялся. По крайней мере, выпустил жену из объятий.

– О каких ещё коммунальных квартирах? – Рыжие брови сошлись на переносице.

– Которые в Швейцарии после революции появились, – пояснила Екатерина, возвращая на место ляжку майки.

– Нет, всё-таки как прав я был, как прав! Ведь дал себе зарок жениться только на простой девушке, из обычной семьи! – мрачно сказал Генри и уселся на стул у стены. – Не сдержал собственное слово – и вот она расплата. Живу с государственным лицом. Медовый месяц в библиотеке провожу.купаюсь в море бумаг.

– Да ладно тебе, Генри, – улыбнулась Екатерина. – Вот через месяц поедem в Англию на скачки, и наверстаем упущенное. Обещаю! Ещё будешь просить пощады у русской императрицы! А слово Романовых – прочнее карбона, как говорит папенька.

– Хорошо, проверим, – согласился Генри, остывая. – Так что там с квартирами?

– Да я просто подумала, что мы с Мелиссой – как две кухарки на одной политической кухне. Ссоримся, вместо того чтобы управлять государством. Не Зимний дворец, а какая-то швейцарская коммуналка.

Глава 5. Навстречу любви, штрафам и «Буковому безумию»

– Перекусим, Николай Константиныч? Как вы насчёт «Помела»? – Алексей Попович, исполнявший в путешествии функции штурмана, бортмеханика, а также взбадривателя и оптимиста, тыкал пальцем в экран на приборной панели «Фодиатора».

– «Помело»? Я предпочитаю более современные транспортные средства... Да куда ж ты лезешь, шестерёнка глупая?!

Николай Константинович ловко увернулся от столкновения с почтовым квадрокоптером. Тёмно-зелёный дрон с золотыми винтами испуганно шарахнулся в другую сторону – бедняга не ожидал встретить препятствие на высоте, специально выделенной для курьерских служб.

– Ой, – прокомментировал инцидент экс-император, – кажется, это я сам куда-то не туда влез. Алёша, ты чем там занимаешься? Трактиры ищешь? А за высотой не уследил!

– Пардон, – извинился Алексей, – готов загладить свою вину в вышеназванном «Помеле», угостив вас любым блюдом по вашему выбору.

– Даже «Буковым безумием»? – усмехнулся Николай Константинович. Как и любой другой житель империи, он отлично знал ассортимент сети трактиров «Омела», которую в народе называли «Помело». «Буковое безумие» – это был самый дорогостоящий пункт в меню. Состоял он из нескольких блюд, съесть которые следовало в строго определённом порядке, для «наилучшего услаждения вкусовых сосочков», как говорилось в рекламе.

Алексей надул щёки и с шумом выпустил воздух.

– Даже «Буковым безумием», – согласился он.

– Тогда снижаемся, – скомандовал Николай Константинович, – рассчитывай траекторию.

– Слушаюсь, мой капитан! – шутиливо отдал честь Алексей. – У нас есть пара километров до ближайшего «Помела» – и «Букового безумия», я помню! Для вас, Николай Константиныч, всё что угодно. Если бы не вы – когда бы ещё я отправился в такую приятную поездочку!

Поездочка и правда выдалась на редкость приятной. Пару дней назад они вырвались из пасмурной столицы и пока что бесцельно колесили по заснеженной России, не особо задумываясь над тем, куда ехать. Интуитивно почему-то двигались на юг. Восьмиполосные магистрали с отличным освещением, круговыми развязками и понятными указателями накрывали всю страну наподобие рыболовной сети. Кататься по таким предсказуемым, нетребовательным дорогам – всё равно что медитировать. Путешественники словно поставили свою жизнь на паузу.

С первой минуты поездки Николай Константинович переменялся необычайно. Он то и дело смотрелся в зеркало заднего вида «Фодиатора» и удивлялся. Где, где все эти морщины вокруг глаз? Куда, скажите на милость, подевались горькие складки на лбу? На протяжении не менее девяноста километров экс-государь пытался понять, что не так с его губами, и наконец понял: уголки перестали стремиться вниз.

Он нарочно не опускал козырёк в машине – ему нравилось щуриться от лучей легкомысленного, почти уже весеннего солнца. А иногда Николай Константинович переводил ручку переключения передач «Фодиатора» на режим Fly⁷ – и ненадолго взлетал над дорогой, просто для собственного удовольствия.

Сорокавосьмилетний отставной император чувствовал себя молоденьким царевичем, отправившемся на поиски невесты.

Он будто очнулся от тяжёлого сна, длившегося без малого четверть столетия.

⁷ В переводе с английского – «лететь».

Экс-император всё ждал, когда сердце начнёт подсказывать путь к любимой. Но сердце упорно молчало, и путешественникам приходилось довольствоваться информацией о зарядочных автомобильных станциях и трактирах, которую предоставляло приложение «Клубок-навигатор».

Николай Константинович выбрал свободный от автомобилей ряд и приступил к снижению.

В каплевидных окнах «Фодиатора» показались верхушки деревьев, а потом и шумозащитное ограждение трассы. Шасси – они же колёса – зашуршали по сухому асфальту. Алексей зааплодировал. Пневмоподвеска, разработанная при его участии, снова блестяще отработала приземление. Ещё мгновение назад машина была в воздухе – и вот она уже скользит по дороге, как утка по озеру.

Пролетающие мимо водители притормаживали, чтобы посмотреть на чудо инженерной мысли. Не каждый день на восьмиполосную магистраль спускаются с неба аква-авиа-автомобильчики. Серебристо-серый «Фодиатор» напоминал одновременно игрушечный вертолёт, двухместный катер и городской мини.

Николай Константинович услышал, как с мягким щелчком убираются в кожух на крыше складные винты. Впереди показались огромные щиты со стрелками, приглашающие отобедать в «Омеле». Капитан включил правый поворотник. Одновременно на его руке запищал перстень-разумник. Сообщение тут же вывелось на экран «Фодиатора».

– Уже и штраф за нарушение высотного режима прислали, полюбуясь, Алёша! – кивнул на экран Николай Константинович.

Алексей присвистнул.

– Сколько?! Пятнадцать рублей? Ах ты, ёлки!

– Вот тебе и ёлки, – нравоучительно сказал Николай Константинович. – Хоть даже и императорская машина, а всё равно оштрафуют. Пятнадцать рублей! Ощутимый удар по моей пенсии.

– Это что же у вас за пенсия, если не секрет? – с любопытством спросил Алексей. – Во сколько нынче оценивается двадцать три года радения о благе нации?

Экс-император пожал плечами.

– Нет никакого секрета. Двести тридцать рублей.

– По десятке за каждый год радения! Несерьёзно. Крохотульная цифра.

– Не такая уж и крохотульная, – не согласился Николай Константинович, направляя «Фодиатор» к высоким соснам, окружавшим «Омелу». – Почти столько же будут получать семьи колонизаторов Марса! Всего лишь на двадцать рублей у них больше. А они до конца жизни своих детей не увидят. Я-то хотя бы остался со своей дочерью на одной планете.

Он с любовью погладил тактильный браслет. Тот тут же завибрировал в ответ, передавая привет от Кати.

– И всё-таки позвольте оплатить штраф за вас, Николай Константинович! – предложил Алексей, явно терзаясь угрызениями совести. Светлые брови сошлись на переносице, руки скрестились на богатырской груди. – Я неплохо заработал на продаже патентов ВА33'у, правда.

– Ладно, Алёша, – благожелательно усмехнулся капитан, паркуясь под вечнозелёными хвойными кронами на расчищенной от снега площадке. – После «Букового безумия» возьму на десерт «Ореховый взрыв», и мы в расчёте!

В трактире, как всегда, было многолюдно и разношёрстно – гимназисты в синих шинелях веселились рядом с солидным предпринимателем в полосатом сюртуке; тут же сосредоточенно налегала на еду команда велосипедистов в обтягивающих костюмах (рядом с «Омелой» располагался крытый спортивный центр); растрёпанный паренёк уставился в экран ноутбука с золотой рыбкой; подтянутая дама тихо разговаривала по перстню-разумнику.

Круглые столики перемежались живыми деревьями декоративных пород. В углу журчал небольшой водопадик, из аудиоколонок раздавался негромкий птичий щебет, под потолком уютно устроились ампельные растения всевозможных видов, за исключением одного – собственно омелы. Каскадный кустарник, давший название сети трактиров, никак не поддавался принудительному выращиванию.

Под цветущей кроной комнатного клёна яростно спорили о политике двое старичков.

– А я говорю, будет!

– А я вам говорю, что нет! Не посмеют!

– Ещё как посмеют!

– Не посмеют! Духу не хватит!

– У испанцев-то? У потомков Кортеса – и духу не хватит? Ха!

– Да их весь мир осудит, не пойдут они на это!

– Весь мир осудит, а дело-то будет сделано! Говорю вам – нападут они на Венесуэлу! Нападут, чтоб мне провалиться! Всё к этому идёт.

– Не посмеют, уверяю вас, не посмеют! Мы в цивилизованном обществе живём, в двадцать первом веке.

– А инстинкты-то, инстинкты первобытные никто не отменял! Прикроются восстановлением исторической справедливости – и нападут! Скажут, Южная Америка всегда была испанской колонией! Скажут, надо вернуть территории истинному владельцу – испанскому королю. Вот увидите! Будет война, ох будет!

– А я вам говорю, что не будет! Не посмеют напасть!

– Ещё как посмеют!

Похоже, бывшего российского государя никто из посетителей трактира не узнал. Да и не удивительно: одет он был неприметно, в серое зимнее пальто и тёмный мягкий картуз – Николай Константинович где-то вычитал, что точно такой же головной убор носил Пётр Александрович Фрезе⁸, перед которым он преклонялся.

Однако не успели путешественники подойти к стойке обслуживания, оформленной в виде старого пня, как до них донёсся возглас ошуртученного предпринимателя:

– Ага! – воскликнул бизнесмен, поднимаясь со своего места. – Глазам своим не верю!

Народ начал оглядываться. Николай Константинович вздохнул. Узнали всё-таки. Телевизор – страшная сила. Значит, намозолил он глаза своим подданным за двадцать три года правления. А ведь так старался не лезть в экран лишний раз!

– Неужто инженер Романов собственной персоной? – продолжил предприниматель, подходя поближе.

– Господин Пузырёв! – удивился Николай Константинович.

Посетители трактира разочарованно вернулись к своим делам. Встреча двух старых знакомых никого не интересовала. Инкогнито экс-государя осталось нераскрытым. Бывшего монарха действительно плохо знали в лицо. И его это радовало.

А вот встреча с представителем конкурирующей фирмы, да ещё и на голодный желудок, давалась тяжело.

– Что это вы делаете за полторы тысячи километров от столицы, любезный? – пристал к Николаю Константиновичу Пузырёв, стряхивая крошки с большого живота. – Зачем вы приехали в Царицын⁹?

⁸ Фрезе Пётр Александрович (1844 – 1918) – легендарный русский изобретатель, конструктор первого отечественного автомобиля. Впоследствии оригинальные технологии Фрезе широко применялись на Русско-Балтийском вагонном заводе. Как утверждают, он был исключительно мягким, скромным и уступчивым человеком, что позволяло ему ладить с подчиненными и добиваться от них высокого качества выпускаемой продукции.

⁹ Нынешний Волгоград.

– Так, по личным делам, – сухо ответил Николай Константинович, делая вид, что внимательно изучает меню над стойкой.

– Сто лет его не видел, – отдуваясь после еды, сообщил Пузырёв Алексею, – и стоило нашему заводу представить новую модель трансмиссии, как он тут как тут! Выведываете профессиональные секреты, Николай Константиныч? А?

– Да и я забыл, что ваше предприятие тут рядом, Иван Петрович! – сделал шаг в сторону экс-император. – Не нужны нам ваши секреты!

В разговор вмешался Алексей:

– Послушайте, любезный, – взял он навязчивого Пузырёва под локоток, – вы вообще кто?

– Я, молодой человек, потомственный владелец Русского автомобильного завода Пузырёва, – недовольно ответил собеседник, вырывая руку из лап богатыря. – И ваш визит в наши края мне крайне подозрителен!

– А, так это вы автор печально знаменитых «Пузырей»? Тележки на колёсиках. Больше пятидесяти километров без зарядки проехать не могут.

– Никакие это не тележки, юноша! – обиделся Пузырёв, тряся полными щеками. – А доступные автомобили для малообеспеченных категорий населения. И наша новая трансмиссия выведет их на совершенно другой уровень!

– Расслабьтесь, папаша, – грубовато отозвался Алексей. – Уверен, что ваша трансмиссия – очередной мыльный пузырь. Нас она не интересует. Мы здесь проездом. И, кстати, приехали, а точнее, прилетели, на такой сказочной машине, что вашему заводу вовек её не догнать.

– Сильно в этом сомневаюсь! – фыркнул Пузырёв, забрызгав при этом Николая Константиновича. – Да, и смотрите, господин Романов, если я на ваших «русско-балтах» потом найду хоть намёк на мою трансмиссию – из судов не вылезете!

Конкурент удалился в сторону парковки, и путешественники наконец заказали вожделенное «Буковое безумие» вкупе с «Ореховым взрывом».

Название каждого блюда в меню трактира перекликалось с миром флоры. Дело в том, что основатель сети закусочных исповедовал философию друидов. Поговаривали, что на шестой день луны он выходит в свой заросший сад и срезает золотым серпом ветви омелы, чтобы затем изготовить из них целебное зелье. Также ему приписывали бессмертие – телереклама «Омелы» намекала, что её основатель живёт на этом свете не менее двухсот лет, – и отсутствие в его гардеробе какой бы то ни было обуви.

Посетителям трактиров ужасно нравилась вся эта волшебная аура, но главным образом – отменная еда всегда одинаково высокого качества. Со дня своего открытия в семидесятых «Омела» приносила своему основателю неплохой доход, однако настоящий расцвет сети закусочных начался в восьмидесятых. Именно тогда в Российской империи, а затем и в остальных странах, поднялась волна интереса ко всему экологичному. Всё чаще на выборах стали побеждать «Вольнодумцы», всё больше активистов приходило на акции протеста против меховой и нефтяной промышленности.

После митингов проголодавшиеся активисты отправлялись в ближайшую «Омелу», где получали максимально «зелёную» (во всех смыслах) еду. Им подавался свежий берёзовый сок, подкопченные на ольховых стружках овощи, жареные каштаны, вафли с кленовым сиропом, булочки с корицей – в общем, все варианты блюд с использованием даров деревьев, от плодов до коры. За считанные годы сеть трактиров стала культовой.

Помнится, отец рассказывал Николаю Константиновичу, как в конце восьмидесятых принимал основателя «Омелы» в Зимнем. Тот в самом деле пришёл на приём босиком. И отказался пожимать руку императору в связи с полнолунием.

В двадцать первом веке маркетинологи здорово расширили ассортимент «Омелы». В частности, ввели в него мясные блюда. Чтобы не отпугнуть верных посетителей-вегетарианцев,

мясоедам построили отдельный зал при каждом трактире. Именно в нём сейчас и разместились Николай Константинович с Алексеем.

– Неприятный тип этот Пузырёв, – сказал Алексей, вгрызаясь в пирог с говядиной под названием «Бук-бук», поданный на буковой доске.

– Мы с ним вместе учились в Политехническом институте, – отозвался Николай Константинович, перемешивая огуречный салат с мелко нарезанными букowymi листьями буковой же ложкой. – Мой курсовой проект тогда победил его работу. Он с тех пор меня не любит.

– Типично, – Алексей отхлебнул сбитня из буковой кружки. – Но при всей своей неприятности господин Пузырёв затронул один важный вопрос. Не хочу на вас давить, мой капитан, но куда мы всё-таки едем?

Николай Константинович задумчиво отрезал от своего «Бук-быка» аккуратный ломтик.

– Знаешь, Алёша, я до последнего надеялся, что интуиция приведёт меня прямо к Василисе. Но, видимо, у таких технарей, как мы с тобой, лучше развито другое полушарие.

Алексей согласно хмыкнул, отправляя в рот ложку салата.

– Пора начинать мыслить логически, – решил Николай Константинович, берясь за морковную лепёшку в форме букowego листочка. – Полагаю, солнце знает, где сейчас Василиса.

Младший товарищ оторвался от пирога и скептически поднял левую бровь.

– Вы имеете в виду, как у Пушкина? «Свет наш солнышко! Ты ходишь круглый год по небу,водишь зиму с тёплой весной, всех нас видишь под собой...»¹⁰ – так, что ли? И это вы называете мыслить логически?

Николай Константинович рассмеялся.

– Ну надо же, какое прекрасное знание классики! Налицо университетское образование! Нет, Алёша, не совсем так. Василиса ведь кто?

– Ваша супруга.

– Она актриса, прирождённая актриса! А где у нас кинематографическая Мекка?

– В Шепси! – догадался Алексей.

– Разумеется, – кивнул капитан. – От Царицына до Шепси недалеко. Отправимся на Чёрное море, поспрашиваем там. Отца моего навестим. Если она хоть раз за эти двадцать три года заглядывала на студию, мы это выясним.

– Да никто её там и не вспомнит, – усомнился штурман.

– Нет, мой друг, забыть её невозможно. Поверь, я пытался.

Николай Константинович тщательно вытер руки о полотенце, расшитое букowymi веточками, и достал из-за пазухи заламинированную фотографию.

Прозрачный пластик на ощупь был холодным и твёрдым, а взгляд Василисы на снимке – тёплым и нежным.

– Посмотри, – протянул он карточку товарищу. – Это мы перед свадьбой.

– Красивая пара. Как с журнального разворота, – с уважением прокомментировал Алексей, разглядывая снимок.

– Мы тогда для журнала и фотографировались, – с ностальгией улыбнулся Николай Константинович. – Василиса всегда любила быть в центре внимания. А тут – такой повод. Цесаревич сделал предложение знаменитой кинозвезде! Новость номер один для всего мира.

На старой фотографии застыло счастье. Василиса Прекрасная прижималась к груди цесаревича Николая – с той стороны, где сердце. Он приобнимал её левой рукой. Оба смотрели в камеру, но видели, похоже, только друг друга.

Николай – в слегка великоватой ему рубашке, в «авиаторских» очках (это было ещё до эпохи лазерной коррекции зрения). Серо-зелёные глаза за стёклами кажутся восторженно-удивлёнными. Он никак не мог поверить, что она сказала «да».

¹⁰ А.С.Пушкин «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях».

И Василиса – воистину прекрасная. Светлые, растрёпанные по моде восьмидесятых волосы, падающая на глаза чёлка. Чуть приоткрытые манящие губы. Полупрозрачная, свободно ниспадающая леопардовая блузка с интересным вырезом. И взгляд, этот взгляд, покоривший миллионы! Задорный и в то же время завлекающий. Редкое сочетание. Василиса и в жизни была такой – весёлой и страстной.

– Как вы познакомились? – спросил Алексей, отдавая снимок и завершая «Буковое безумие», в соответствии с рекомендациями его создателя, козинаком из буковых семян с мёдом.

Николай Константинович спрятал фотографию во внутренний карман и распечатал коробку с «Ореховым взрывом» – высоким шоколадным тортом с фундуком, миндалём и ещё пятью наименованиями орехов.

– Видел такой фильм – «Столица слезам не верит»? Василиса играла в нём главную роль, эдакую очаровательную золушку, которая приехала из глубинки в миленьком платочке, разрисованном ромашками, и устроилась на Русско-Балтийский завод простой сборщицей, а потом стала директором всего предприятия...

– Конечно, я знаю сюжет, это же классика, – нетерпеливо закивал Алексей. – Положите и мне кусочек «Взрыва», пожалуйста... Гран мерси. Так при чём здесь всем известное кино?

– При том, что меня пригласили в качестве консультанта фильма. Я тогда уже работал в инженерном отделе РБЗ и руководство завода поручило мне помочь киношникам. Надо было давать технические советы, следить, чтобы они не наделали глупостей... Я учил Василису правильно держать руки на станке.

– Да, правильно держать руки – это очень важно, – улыбнулся Алексей, откидываясь на внушительную спинку деревянного стула. – Когда работаешь на станке. Или когда обнимаешь цесаревича.

Николай Константинович невольно зарделся.

– Ну, Алёша, ты и сам всё понимаешь. Как может молодой человек удержать себя в руках, взяв за руки такую потрясающую девушку?

– Что ж, Николай Константиныч, может, не случайно мы заговорили об этом именно здесь. – Алексей махнул рукой в сторону выложенной камнем стены, где лунным светом сияли выпуклые буквы названия заведения. – У ваших же предков-скандинавов считалось, что омела – символ любви и мира. Все раздоры она прекращала.

– Не знаю, друг мой, не знаю, – Николай Константинович покачал головой. – Есть и другая шведская легенда. Бальдра, неуязвимого бога весны и света, убили веткой омелы...

Алексей взлохматил свои белокурые волосы.

– У нас, мой капитан, вся весна ещё впереди! Отставить депрессию и богов с дурацкими именами! Успех приходит только к тем, кто в него верит. Я подчёркиваю – к тем, кто в успех верит, а не в Бальдра какого-то.

На выходе из трактира путешественников остановил возбуждённый старичок – предрекатель войны.

– Господа, господа! Позвольте минуточку внимания! Мы тут поспорили с другом, решили спросить у молодёжи. Как вы считаете, нападёт Испания на Венесуэлу или не посмеет?

Алексей хмыкнул и пошёл заводить «Фодиатор», а Николаю Константиновичу воспитание не позволило отмахнуться от пожилого человека:

– Видите ли, сударь, всё намного сложнее. Конкистадоры, по прошествии веков, стали хитрыми. Они могут аннексировать Венесуэлу и без объявления войны. Без малейшего кровопролития. Есть разные политические технологии...

– Ох! Ваше величество! – вдруг дошло до старика. Он даже ухватился за ближайший стул, чтобы не упасть. – Это же вы! Батюшка вы наш! Ваше императорское величество! Вы здесь, в нашем скромном Царицыне? – Тут лицо пенсионера из возбуждённого стало тревожным. –

Ох, батюшка! Вы здесь. А кто же в Зимнем остался? Кто же на посту? Кто, если что, остановит зарвавшуюся Испанию?

Глава 6. Очень, очень, очень хочется курить

– Вы смотрите шоу «Воздушный замок». Я Стивен Хокинг. Здравствуйте. Что такое миф? Несбыточная фантазия – или нить Ариадны для талантливых учёных? Сказка – или подсказка? Мы возьмём популярные легенды и рассмотрим их под микроскопом. Мы докажем, что в замшелых преданиях заложены инструкции для потомков. Наша программа даст шанс молодым хулиганам от науки реализовать их нестандартные идеи. Вместе с дерзкими аргонавтами двадцать первого века мы отправимся в захватывающий, полный неожиданных открытий путь – прямо по радуге, не сворачивая. Доберутся ли наши герои до своего золотого руна? А может, вместо этого случайно наткнутся на святой Грааль? Что ж, увидим. А пока представляю вам участников шоу...

Стивен Хокинг был неподражаем в роли ведущего новой программы на «Всемогущем». Просто великолепен, честно говоря. Он обладал какой-то магнетической притягательностью. Профессор Хокинг казался Прометеем, заключённым в стальные оковы инвалидного кресла. В его светлых глазах горел огонь просвещения.

На несколько мгновений Мелисса даже забыла о том, что безумно хочет курить.

– Знаешь, а ведь профессор отказался от двух других телевизионных проектов ради нашего «Воздушного замка», – сказал Левинсон, вставая с белого кожаного дивана, чтобы отворить входную дверь. Ему на перстень только что пришло сообщение о доставке заказа из «Омелы». Несмотря на постоянное участие Мелиссы в кулинарных передачах, готовить она не любила. – Даже свои кембриджские лекции перенёс в петербургский университет до конца шоу.

Мелисса с пониманием кивнула. Она всегда была готова отменить свои дела ради выступления на телевидении, пусть даже и в самой завалящей программке. А уж если сам «Всемогущий» пригласил в прайм-тайм...

– Много ему заплатили? – поинтересовалась Мелисса, усаживаясь за длинный сосновый стол.

– Профессору? О, намного меньше, чем я рассчитывал. Он пришёл в восторг, когда мы к нему обратились. – Левинсон приложил перстень к электронной панели на двери, замок мягко щёлкнул, открываясь. – Я был готов выложить и тысячу рублей, но он согласился на пятьсот. Оказалось, профессор Хокинг давно хотел поработать в самой толерантной стране мира. Ведь только здесь, на родине Храмовых Заповедников, могла родиться идея такого шоу. Сказал, «есть фундаментальная разница между религией, основанной на догмах, и наукой, основанной на наблюдениях и логике. Наука победит, потому что она работает»¹¹

¹¹ Цитата из реального интервью Стивена Хокинга Диане Сойер в июне 2010 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.